

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон
Вступление.

Настоящий труд поднимает два взаимосвязанных вопроса, не претендую на исчерпывающий ответ Первый касается исторического сознания, которому сегодня, кажется, серьезно не хватает единства. Разногласия затрагивают то, чем характеризуется наш век по сравнению с другими: неслыханный размах уничтожения людей людьми, ставший возможным лишь в силу захвата власти коммунизмом ленинского типа и нацизмом – гитлеровской. Эти «разновайцевые близнецы» (но определению Пьера Шоню), хоть и враждебные друг другу и порожденные несхожей историей, обладают многими общими чертами. Они ставят себе целью достичь совершенного общества, вырвав из него препятствующий этому принцип зла. Они претендуют на человеческое, потому что один желает блага всему человечеству, другой – немецкому народу, и идеал этот породил восторженную преданность и героические поступки. Но больше веет их сближает то, что оба наделили себя правом – даже обязанностью – убивать и оба делали это сходными методами в масштабах, неизвестных истории.

Сегодня, однако, историческая память не рассматривает их одинаково. Нацизм, несмотря на то, что он полностью сокрушен больше полувека назад, по-прежнему заслуженно вызывает отвращение, не ослабевающее с ходом времени. Напротив, кажется, что полные ужаса размышления на эту тему год от года становятся все глубже и шире. Коммунизм же, наоборот, такой еще близкий, столь недавно свергнутый, пользуется амнезией и амнистией, одобренными почти единодушно, притом одобрили их не только его сторонники, все еще существующие, но и самые решительные врачи, даже жертвы. Ни те ни другие не считают уместным извлекать его из забвения. Иногда, правда, гроб Дракулы приоткрывается. Так, в конце 1997 г. авторы одного труда («Черная книга коммунизма») осмелились суммировать число смертей, которые можно отнести на счет коммунизма. Они предложили цифру, лежащую где-то между 85 и 100 миллионами. Скандал продолжался недолго, и гроб уже закрывается, хотя цифры эти не подверглись серьезному опровержению.

Мне недавно представился случай говорить об этом контрасте между беспамятством о коммунизме и сверхпамятью о нацизме. Я рассмотрел его коротко, с довольно ограниченной точки зрения исторических и политических условий, на которые можно возложить вину за забвение коммунизма^[1] Тема требовала более широкого развития и рассмотрения с других точек зрения. Эта тема – предмет первой части данного труда.

Второй вопрос касается Катастрофы^[2] В какой мере следует ее выделять в рамках безграничной бойни нашего века? Можно ли ее поставить в ряд с остальными, как одну могилу среди других на общем кладбище? И если нет, то почему?

Легче констатировать, чем объяснить тот факт, что вопрос о Катастрофе неотступно преследует не только историческую память века в целом, но и – специфически – соотношение или сравнение между памятью о коммунизме и памятью о нацизме. Я сам это сильно почувствовал, подчеркнув в своей речи причины, по которым еврейский народ возложил на себя груз памяти о Катастрофе: в силу нравственного долга, вписывавшегося в долгую память о гонениях; в силу религиозного долга, связанного со страстным восхвалением или, по образцу Иова, вопросами к Господу, Который обещал хранить Свой народ и Который наказывает несправедливость и преступление. Человечество должно быть благодарно еврейской памяти за то, что она набожно сохранила архивы Катастрофы. Загадка же относится к народам, которые те забыли.

Трудность связана с тем, что для ответа на второй вопрос нужно сменить план. В самом деле, можно сравнивать коммунизм и нацизм как две породы одного и того же вида, вида идеологического. Их соблазнительность, природа и образ действий их власти, тип их преступлений связаны с интеллектуальным формированием, от которого они полностью зависят, – с идеологией. Я разумею под этим термином доктрину, которая обещает примкнувшим к ней спасение на этом свете; которая подает себя как согласующуюся со вселенским порядком, научно расшифрованным в его эволюции; которая навязывает политическую практику, направленную на радикальное преобразование общества. Можно долго развивать сравнение между коммунизмом и нацизмом, отмечать различия и сходства, не выходя из рамок исторического и политического анализа.

С Катастрофой же, наоборот, мы выходим из них немедленно. Хотя политика,
Страница 1

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org особенно во Франции, стремится сделать из Катастрофы ставку в своей игре, ввести ее в вечную борьбу «правых» и «левых», это бедствие находится в ином измерении, подобно куда более страшному и жгучему очагу, который живет своей собственной жизнью вдали от схваток на форуме. Сознание Катастрофы не укладывается в чисто политический анализ; ему тесно в сравнительном, нейтральном, «научном» исследовании. Оно невысказанно хранит ощущение события исключительного в этот век и во все времена, требуя иных вещей, нежели объективного исследования, – особого почтения, священного молчания. Мы находимся в рамках уже не истории идеологии, но истории религии или даже самой религии, прежде всего иудейской и – рикошетом – христианской.

Тем не менее остается фактом, что два вопроса: сравнительное историческое сознание двух смертоносных идеологий и сознание Катастрофы тесно связаны. Уникальный факт Катастрофы медленно всплыл из смутной памяти о нацизме. Нельзя не усмотреть его связи с тем, что коммунизмуделено рассмотрение иного толка.

Гибельное дело – следить за двумя рядами событий, которые не обладают одной и той же природой, не расположены в одном и том же пространстве и даже в одном и том же времени и которые история тем не менее неясно связала. Чтобы осветить по мере моих сил эту неясность, я коротко обрисую родословную проблемы. Затем шаг за шагом я сопоставлю коммунизм и нацизм под углом разрушений, которые они произвели в физическом, нравственном, политическом порядке. Признаюсь, что, уже много раз рассмотрев эту тему, я очень надеялся не возвращаться к ней, так это мучительно, но обстоятельства заставили меня к ней вернуться. Затем рискну обратиться к богословию, чтобы попытаться определить, в чем точно заключается уникальность Катастрофы. А завершаю выводом все это об уникальности, но боюсь, что нам здесь долго придется говорить о смысле этой уникальности.

Вопрос об уникальности Катастрофы, а я думаю, что ее жертвы интуитивно сразу почувствовали эту уникальность, всплыл в общественном сознании во всем своем размахе лишь годы спустя после самих событий.

Свидетельство Примо Леви («Если я человек»), сегодня общепризнанное как одно из самых проникновенных свидетельств об Освенциме, было написано сразу после возвращения автора в Италию. Несколько крупных издательств отвергало рукопись. Она все-таки вышла в 1947 г. тиражом 2500 экземпляров в маленьком издательстве, которое вскоре прогорело, а книга канула в забвение. Переизданная издательством «Эйнауди» в 1958 г., она приобрела столь заслуженную славу, что ее предшествующая судьба приоткрывает нам один из аспектов загадки.

«В этот тяжелый послевоенный период, – объясняет сам Леви, – людям не очень-то хотелось заново переживать только что закончившиеся мучительные годы» Объяснение верное, но расплывчатое и недостаточное. Да, сразу после войны все концлагеря были отмечены одним и тем же ужасом и не было ясного различия между трудовым лагерем (например Бухенвальдом) и лагерем уничтожения (например Треблинкой). Все жертвы оплакивались, и никому не приходило в голову делить их на категории. На Нюрнбергском процессе говорилось лишь о «преследованиях» евреев. Читая Примо Леви, видишь, что в его лагере и в его отряде евреи занимали самый последний круг ада, но были и другие круги, и неевреи – а их в Освенциме было много – да и любому заключенному, вплоть до самого преступного «капо», тоже отказывали в статусе человеческого существа. Именно это составляет метафизический фон книги, заявленный с самого заголовка. Как всякое событие, превосходящее воображение, концлагеря прошли сквозь стадию амнезии и афазии, которые не пощадили ни узников лагерей, ни – в их числе – выживших евреев. Несказанное выговорить нелегко. Время позволяет приороваться к этому объекту, на который невозможно смотреть пристально.

Но для того чтобы тема специфики Катастрофы, ее уникальности задела общее историческое сознание, должно было произойти великое событие. Затем понадобилось второе событие, чтобы сравнение нацизма с коммунизмом тоже его задело.

Первое событие – то, что еврейский народ стал гораздо более «заметным». Эманципированные в ходе XIX века евреи получили признание своих религиозных прав, свободу «еврейского культа» на тех же основаниях, что и другие «культы», но не получили особых гражданских прав. Между тем, иудейство с библейских времен всегда неразрывно воспринимало себя и как религию, и как

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org народ. Этой второй половине еврейского национального облика полагалось быть либо оставленной или даже забытой в западных демократических странах, либо переносимой как тяжкий груз в странах, где понятие «национальности» не было сглажено современным понятием гражданства. Нацизм подменил концепцию народа концепцией расы и эту «расу» исключил из состава человечества. В послевоенной Европе понятие «еврейский народ» не имело больше никакой основы. С западной стороны были только граждане – британские, французские, итальянские и т. д. – еврейского «происхождения» или вероисповедания. С коммунистической стороны иудейство евреев в принципе предназначалось, чтобы быть сглаженным, а в ожидании этого запрещалось принимать его во внимание.

В еврейском сознании был третий элемент – земля. И вот в 1948 г. еврейский народ предстал перед всем миром в современной форме национальною государства, в значительной мере светского, пользующеся полной независимостью, которую он потерял во время ассирийского, а затем вавилонского завоевания, предстал на территории, практически уничтоженной со времен иудейских войн Тита и Адриана. Согласно закону о возвращении, еврейское государство было юридически учреждено как отчество всех евреев мира.

Страны под господством коммунистов признали Государство Израиль по разнообразным политическим причинам. Демократические страны признали его более прочно, так как, кроме политических мотивов, вырисовывались также мотивы, которые можно назвать религиозными. Рождалось чувство вины христианского мира, и ему предстояло расти и расти. Религиозное сознание «еврейского факта», на протяжении веков помраченное той направленностью, которую приняли толкование Писания и учение отцов Церкви, выходило на свет и терзало католический мир. Это стало отправной точкой решительного поворота, одним лишь из этапов которого был 2-й Ватиканский собор и который еще не завершен.

Западный мир принял, в основном без затруднений, новый образ, который создали сами евреи благодаря основанию Израиля. В частности, он принял тот факт, что евреи, всегда питавшие крайний патриотизм в отношении своих разнообразных отечеств в диаспоре, развивают второй патриотизм, обращенный к Израилю, причем речь шла об ином чувстве и об ином типе лояльности. Я готов сравнить это право с двойным патриотизмом, какого общественное мнение тогда не признавало ни за каким другим меньшинством; с привилегией, на этот раз чисто религиозной, полученной иудеями во времена Ирода Великого, когда их освободили от культа императора и имперской языческой религии.

Это новое сознание еврейского национальною облика обозначилось стихийным и прогрессирующим движением. Следует, однако, назвать важную дату – 1960 год. До тех пор патриотические чувства Израиля питались воспоминаниями о вооруженном сопротивлении нацизму. О восстании в варшавском гетто говорили охотнее, чем о пассивно пережитом геноциде. Процесс Эйхмана, задуманный израильскими властями как публичный и сенсационный, стал поворотной точкой. Катастрофа превратилась в событие центральное, а в некоторых отношениях основополагающее, в базу легитимности. Она стала отправной точкой правовой, нравственной, философской, богословской дискуссии, в которую во всем мире включились блистательные умы: Ханна Арендт, Раймо Арон, Гершом Шолем – список нескончаем.

Второе событие – доклад Хрущева в 1956 г. – привело к неизбежности сравнения. Знание о большевистском коммунизме как о преступной системе существовало с 1917 года. Но из-за мощности излучения, испускаемого самой идеей, из-за мастерства органов коммунистического движения в дезинформации и лжи, это знание не было «удостоверено». Толпы порядочных людей искренне отвергали его.

Нацистский секрет уничтожения европейских евреев – «простой» секрет, достигнутый классическими средствами: изоляция лагерей уничтожения, периодическая отправка на смерть исполнителей, взятых из числа жертв, присяга, связывающая персонал, руководивший уничтожением, сравнительная узость его личного состава. Большевистский секрет сложнее. Он тоже включал простую, классическую часть военно-полицейского характера. Но это ядро было защищено исключительно густым идеологическим туманом, который приводил к тому, что, даже если удавалось проникнуть в секрет, таящий в себе операции разрушения, утечку закупоривала всеобщая готовность к недоверию, и непроницаемая перегородка восстанавливала чуть подальше. Были моменты, например, между Испанской войной и победой над нацизмом, когда знание о

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
коммунизме за его пределами существовало разве что в головах нескольких индивидуумов, обычно бывших коммунистов, испытавших коммунизм на себе, бывших разочарованных и взбунтовавшихся леваков, большей частью неспособных передать свое знание, а часто – и додумать его до конца.

до 1956 г. прерывистая череда свидетельств, документированных и неопровергимых, оставалась как бы закупоренной в капсулу и не пользовалась доверием ни у академических авторитетов, стражей критического разума, ни у политиков, даже чуждых и враждебных коммунистической идеи. Если бы они поверили, им пришлось бы произвести обширное преобразование своих концепций мира, потому что эти свидетельства (также было и со свидетельствами, просачившимися из-под господства нацизма) вводили их в неправдоподобную вселенную, подчиняющуюся особой, сбивающей с толку логике, и в поисках ориентиров им понадобились бы утомительные усилия. Вдобавок они не чувствовали себя в опасности. Для примера, вопрос о советских лагерях, поднятый давидом Руссе незадолго до 1950 г., был встречен как скандальный. Сартру нетрудно было доказать, что раз концепция лагеря философски противоречит концепции социализма, то лагерь быть не может. В 1948 г., во время процесса Кравченко, Маргарита Бубер-Нойман вызвала возмущенные отклики, заявив, что в немецком лагере существовали остатки права, которых не было в советском лагере, где она сидела, пока Сталин не выдал ее Гитлеру.

В докладе Хрущева не высказано ни малейшего раскаяния в отношении некоммунистических жертв коммунизма. Единственно истинное для него преступление сталинской системы, преисполняющее его негодованием, – крупномасштабная отправка на смерть верных коммунистов. И тем не менее это столь неполное признание просунуло соломинку в жесткий металл идеологии и вызвало трещину в стене, окружавшей секрет. Преступления против коммунистов, по мнению генерального секретаря, действительно заслуживали осуждения только в той мере, в какой они тормозили наступление светлого будущего и ослабляли коммунистическую власть. Но после доклада встали вопросы о преступлениях, совершенных коммунистами. Вся система в целом была подвергнута допросу, следствию, которое было открыто по законному подозрению и закрыто которое было невозможно. Следствие развивалось, хотя слабо и с перебоями, потому что коммунистическая власть сохранялась еще три с лишним десятка лет – период, почти такой же долгий, как тот, что отделял ее от рождения. На протяжении всего этого времени она твердо держалась полною отрицания, одновременно производя медленный демонтаж лагерной системы. «Архипелаг ГУЛАГ» (1974) прозвучал как удар тарана в потайную дверь лжи. Но это был всего лишь текст – ему не хватало того, что в английских детективных романах называется *the evidence of corps* – доказательство трупом. На всей земле никто, кроме редких выживших, не видел коммунистических лагерей. Камбоджийские груды трупов – единственное исключение. Несмотря на все это, можно сказать, что к моменту падения коммунизма в секрет уже проникли, хотя «негативизм» в отношении всего, что говорится о коммунизме, остается куда сильнее, чем «негативизм», защищающий нацизм.

* * *

Итак, к середине 60-х годов ужасы века – нацизм и коммунизм – оба находились под обвинением. Но в одном ли и том же их обвиняли? Этот вопрос подлежит обсуждению, которое последует дальше.

Я разделил вопрос на несколько сегментов, что не слишком удобно, потому что из-за разрезов можно потерять из виду единство объекта. Я буду вести исследование под углом уничтожения, разрушения. Действительно, от нацизма и коммунизма осталось лишь то, что им сопротивлялось, например «диссидентская» литература. Остальное – сплошные развалины, нуждающиеся в разборке и расчистке. Разрушение материальное: живые люди превращены в трупы. Нравственное: честные и разумные души стали преступными, безумными, глупыми. Политическое: общество было вырвано из своих форм, переплавлено в соответствии с идеологическим проектом. Затем, оставив исторический анализ, надо будет возобновить то же расследование с точки зрения философии и богословия. Наконец, я вернусь к теме моей речи в Академии и опишу работу памяти. Заключение – это вопрос об уникальности Катастрофы.

Глава первая ФИЗИЧЕСКОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ

Шесть названий

Прежде чем сопоставлять коммунистический и нацистский о»: та, следует произнести шесть слов: Освенцим, Белжец, Хелмно, Майданек, Собибор, Треблинка. Это шесть центров уничтожения евреев в «промышленных» масштабах. Типичная последовательность действий была такова: этап; селекция на выходе из вагонов; татуировка; немедленная отправка женщин, детей и нетрудоспособных в газовые камеры или могильные рвы. Такой последовательности, насколько мне известно, не встречалось в коммунистическом мире. Эти шесть названий нельзя произнести без того, чтобы на память не пришли документы, свидетельства, исследования, медитации, молитвы – попытки передать непередаваемое. Отталкиваясь именно от этого абсолюта, осмелюсь сказать метафорически от этого абсолютного нуля, взятого как предел любых прежде существовавших мерок, можно попытаться оценить физическое уничтожение, производившееся коммунистическим строем.

Рауль Хилберг – автор широко документированного, тщательного, выверенного итогового труда под заглавием «Уничтожение европейских евреев» (Raul Hilberg. *The destruction of the European Jews. Revised and definitive ed.*, 1985. Французский перевод: *La Destruction des Juifs d'Europe. Paris, Fayard, 1988*. Переиздано в серии *Folio Histoire*, 1995). Ему так же, как и Примо Леви, оказалось очень трудно найти издателя, и книгу он опубликовал только в 1985 году. Столь же надежного и подробного труда о коммунистическом уничтожении не существует и, видимо, еще долго не появится. У Хилберга я заимствую общий план.

Уничтожение европейских евреев, по Хилбергу, производилось в пять этапов;

- экспроприация;
- выявление и собирание;
- истребительные рейды;
- депортация (отправка в лагеря);
- центры массового уничтожения.

Следуя этой канве, констатируешь, что коммунистическое уничтожение включает четыре первых этапа, хотя и с вариациями, обусловленными его природой и основным замыслом. В коммунистической практике отсутствует пятый этап, но прибавлены два, в которых нацизм не нуждался: смертные приговоры и голод.

Экспроприация

Экспроприация – первая мера коммунистической власти. Одна из основополагающих идей коммунизма состоит в том, что частная собственность – корень социального зла. А значит, немедленно производится экспроприация «средств производства». Но надо вырвать с корнем из сознания народа идею собственности как таковую и полностью подчинить ей новой власти – из этого логически вытекает экспроприация жилищ, банковских счетов, земли, скота. У людей не остается почти ничего своего, кроме одежды и мебели.

В коммунистических странах всегда существуют богатые, но нельзя сказать, чтобы они были собственниками. Это или «нелегальные» обладатели редких благ, или особы привилегированные, располагающие льготами в награду за политическую благонадежность и благодаря местью, которое они занимают в системе. Право, будучи связанным с частной собственностью, мгновенно исчезает, остается только «юридическое» оформление решений партии. В нацистской Германии вначале экспроприровали и ставили вне закона только евреев. За «арийцами» сохранялись право и собственность, по ужатые, остаточные и самой логикой системы предназначенные к полному исчезновению.

Выявление и собирание

Следя и выявление производятся при коммунистическом строем не так, как при нацистском. Для нацизма само физическое существование каждого еврея было своего рода индивидуальным очагом заразы. Следовательно, их надо было выискивать, как это делается при дератизации или дезинсекции, повсюду, во всех уголках, где они могли таиться, – на выполнение этой задачи режим тратил силы, выделял деньги и кадры. Перед коммунизмом вставала задача большего размаха, ибо у нее не было ни строгого определения, ни ясных

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org очертаний. В нее входила ликвидация «врагов социализма», «врагов народа». В первую очередь следовало обезвредить врага, обозначенного заранее, врага по определению: богатых, «буржуев», «помещиков и фабрикантов», зажиточных крестьян и т. н. Затем наступала очередь тех, кто мог питать враждебные чувства, «уклоняться» или проявлять безразличие. Такие могли быть обнаружены в среде «пролетариата», крестьян – «середняков» и «бедняков», «трудовой» интеллигенции. Их находили и в партии, армии, органах.

Тайные враги не обладают характерными чертами, видимыми простым глазом, у них нет физических особенностей вроде обрезания, они не принадлежат к четко выделенной общине, к племени. Их нужно опознать, заставить признаться в тайных помыслах, подрывных замыслах и «ликвидировать». Это труд непрекращающийся и гораздо более объемный. Вот почему личный состав полицейско-репрессивных органов при коммунистическом строе был гораздо больше, чем при нацистском, где ставилась задача всего лишь обнаружить евреев и собрать их в отведененные для них места. Нескольких тысяч человек было достаточно для выполнения задач гестапо – в КГБ их было около пятисот тысяч. В одной только ГДР «Штази» насчитывала больше народа, чем гестапо во всей Германии.

По данным Рауля Хилберга, хватило двух лет (1941–1942), чтобы «окончательное решение еврейского вопроса» было выполнено примерно на 60 %. Задача советских органов не имела конца. С ноября 1917 г. и до последнего дня им приходилось сортировать, регистрировать, вести расследования и неустанно следить за всем населением.

Истребительные рейды

Примерно четверть погибших евреев, по данным Рауля Хилберга (а может быть, и больше), были убиты специальными подразделениями – «айнзатц-группами» и «командами», которые шли следом за линией фронта и производили казни на месте, чаще всего расстреливали из пулеметов. Подразделения вермахта иногда тоже этим занимались.

Истребительные рейды широко практиковались коммунистическими режимами. Завоевание Красной Армией Украины, Кавказа, Сибири, Средней Азии сопровождалось убийствами под открытым небом. Они были массовыми и систематическими во время крестьянской войны, начавшейся в 1919 г. и продолжавшейся до начала нэпа в 1921-м. Против крестьян, которых экспроприировали и морили голодом, против казаков (почти полностью ликвидированных как особая этническая группа) Красная Армия использовала мощные средства – танки и удушающие газы. В книге Владимира Зазубрина «Чекист» (1923) описаны операции местной ЧК: грузовики, на которых привозят людей на расстрел, серийные, безликие казни выстрелом в затылок в подвале, вывоз трупов и вереница грузовиков. Расстрелы под открытым небом возобновились во время колLECTIVизации, а в ходе «великой чистки» были использованы душегубки. В Китае казни под открытым небом проводились в течение двух первых лет после захвата власти коммунистами и возобновлялись в эпоху «большой скачки», затем во время «культурной революции». Подобные казни проходили также в Корее, Вьетнаме, Эфиопии.

В Камбодже они были особенно массовыми. Убийства за неимением современного оружия производились ножами, мотыгами, молотами, дубинками. Палачами, обретавшими навыки в пыточном ремесле, часто были дети – так «красные кхмеры» давали им образование. Сегодня эти массовые могилы постепенно вскрываются.

Лагеря и высылка

Система трудовых лагерей была изобретена и получила свое развитие при советском строе. Нацизм всего лишь перенял ее. Слово «лагерь» («Lager») – почти одинаково звучит по-русски и по-немецки. Первые лагеря были открыты в советской России в июне 1918 г., через каких-нибудь полгода после захвата власти Лениным и его партией.

Советская система лагерей, ссылки, высылки была куда более масштабным и сложным явлением, чем нацистская. В Германии существовали, хотя и не были оформлены, различия между лагерями со сравнительно низкой смертностью (Дахау) и лагерями с такой высокой смертностью (Дора), что она почти достигала уровня массового уничтожения. В Советском Союзе гамма была более широкой, а категории – более четкими. Можно различить три основных

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
категории.

Первая – это высылка целых народов: крымских татар, чеченцев, поволжских немцев и т. д. – или целых «социальных» групп: 10 миллионов «кулаков». Пик смертности приходился на этап, осуществлявшийся почти в таких же условиях, как в нацистских эшелонах, шедших в лагеря, но в СССР они юли на куда более далекие расстояния; затем – на первый год высылки, когда насильственных переселенцев доставляли в среднеазиатские степи, сибирскую тайгу или тундру без теплой одежды, сельскохозяйственных орудий, семенного материала.

Смертность при высылке обычно оценивается в 50 %. Высылка целых народов – чисто советская практика, не встречающаяся при описании других зон коммунизма либо за неимением таких просторов, либо там, где этническая однородность не создавала помех коммунистическому замыслу. С советской высылкой можно соотнести насильственное и смертоносное выселение немцев из Польши и Чехословакии после окончания войны.

Вторая категория – «исправительно-трудовые» лагеря. ГУЛАГ стал огромной административной конструкцией, которая обрела свою классическую форму в 30-е годы. Он был способен управлять значительной долей (по некоторым оценкам до 11 %) рабочей силы страны. Достаточно обильная литература дает нам описание, напоминающее нацистский трудовой лагерь. Побудка, поверка, рабочая бригада, норма выработки и соответствующий выполнению нормы паек, голод, избиения, пытки, казни – день Шаламова на Колыме проходит так же, как день Леви в Освенциме. Конкретные детали те же: всеобщее воровство, «каждый за себя», физическое истощение, медленная или довольно быстрая нравственная деградация, те же бараки, те же нары, тот же сон и те же сны. В нацистском лагере заключенный, который дошел до предела, больше не сопротивляется и того гляди умрет, назывался «мусульманином», в советском – «доходягой».

Некоторые вариации связаны со степенью организованности и климатом. В Освенциме побудка подавалась колоколом – на Колыме колотили по подвешенному рельсу. Мертвцевов там не жгли в крематориях. Зимой их складывали мерзлыми штабелями, с биркой на большом пальце ноги, дожидаясь, пока можно будет рыть могильные рвы. В обширном архипелаге лагерей, раскинувшемся по северо-востоку Сибири, еще одну ноту к отчаянию прибавлял ужас, наводимый холдом, унылой природой, бесконечными просторами, отделяющими от населенной людьми «войкумены». В некоторых лагерях смертность доходила до 30–40 % в год – учитывая длительность сроков и долголетие советского строя, это приближается к массовому уничтожению, но здесь нет того неизбежного уничтожения по образцу Треблинки, не оставляющего никакой надежды.

Третья категория: вокруг ГУЛАГа как такового простирается зона каторжного труда и поднадзорного жительства. Рабочая сила используется на «великих стройках» – на строительстве плотин, каналов, тайных военных арсеналов. Очертания этой категории расплывчаты: в конечном счете при коммунистическом строе свободой не пользуется никто. Потому-то, отвечая на вопрос, сколько в СССР политзаключенных, Владимир Буковский полушутя ответил: «270 миллионов».

Лагеря существовали почти на всей территории, где воцарился коммунизм. В Румынии, например, на стройке канала Дунай – Черное море погибли 200 тысяч человек, практически вся бывшая элита общества. О вьетнамских лагерях, о китайских («лаогай») сведения доходят обрывочно. Бывший советский зэк рассказал мне: заключенный «лаогая», которому удалось бежать в Сибирь, попал в лагерь, где сидел мой рассказчик, и считал, что оказался в раю! И действительно, в ГУЛАГ посыпали на определенный срок, в то время как в Китае он сидел без срока и выход на волю зависел от его «морального перевоспитания» (лагерь рассматривается как «школа»). В советском лагере вечером разводят по баракам – в Китае же он оставался на своем рабочем месте, на цепи. От немногочисленных имеющихся сведений о лагерях в Северной Корее волосы встают дыбом. А эти лагеря и сегодня действуют с прежним размахом.

Истребление по приговорам

Два типа смертной казни используются регулярно при коммунизме и лишь время от времени при нацизме. Первый из них – смертная казнь по приговору.

Нацизм не применял ее к евреям: с его точки зрения, они не принадлежали к роду человеческому и, следовательно, не подлежали никакому «правосудию».

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
Приговоры выносились оппозиционерам, сопротивленцам, партизанам – после
более или менее приблизительного, но все-таки реалистического расследования
фактов.

Смертная казнь при коммунизме (массовый расстрел, пуля в затылок, повешение) в принципе должна вытекать из судебного расследования, чтобы «народ» или его представители (рука партии) могли опознать и осудить явного или тайного врага. Поэтому казни, поначалу бессудные, постепенно, по мере того как совершенствовался аппарат (прокуратура), приобретали судебную форму. В эпоху, начавшуюся в 1934 и названную «большим террором», всеми средствами стремились истогнуть признания, причем самым простым и распространенным средством были пытки.

Этому периоду свойственно то, что к большинству арестованных – а аресты часто производились для того, чтобы выполнить заранее спущенный план, – предъявленные обвинения не имели ни малейшего отношения: либо это были люди пассивные, неспособны к какому бы то ни было противостоянию, либо искренние коммунисты, страстно любившие Сталина, преклонявшиеся перед ним. Отсюда вытекал тот мучительный страх, тяготевший над всем населением страны. Отсюда же вытекало ощущение кошмара и безумия, потому что людям не удавалось проникнуть в рациональную основу этой дробилки и мясорубки. Люди ждали ареста, потому что видели, как беззвучно исчезают их соседи, и по ночам с заготовленным тюремным узелком под кроватью они прислушивались к шагам на лестнице. Большинство коммунистических государств, европейские и особенно азиатские «страны народной демократии», прошли через такие периоды. Есть основания считать, что вдохновителем «большого террора» был Гитлер. В «ночь длинных ножей» (1934), в эту молниеносно проведенную чистку национал-социалистической партии, погибли, быть может, 800 человек. Stalin умножил это число более чем в тысячу раз.

Голод

Голод в отличие от вечного дефицита, – это «привидение, которое возвращается» на протяжении всей истории коммунистических режимов. Голод мы видели или даже сегодня видим в СССР КНР, Эфиопии, Северной Корее.

Голод – почти всегда следствие коммунистической политики. Эта политика нуждается в том, чтобы поставить под контроль всех подданных. Коммунисты не могут допустить, чтобы крестьяне имели возможность организоваться стихийно, в стороне от власти. Экспроприируя крестьян, они насильственно помещают их в искусственные рамки колхозов, народных коммун и тем самым неминуемо вызывают продовольственный кризис. Нельзя, однако, сказать, что власть прямо планирует голод, – она согласна платить эту цену за достижение своих политических и идеологических целей. В Казахстане, например, население вымерло от голода наполовину.

Тем не менее известны случаи, когда голод был задуман и организован с четкой целью уничтожения. Так было на Украине в 1932–1933 гг. Целью было покончить не с каким-то сопротивлением крестьянства, ибо коллективизация его уже подавила, но с национальным существованием украинского народа. Говоря об этом, по справедливости употребляют термин «геноцид».

Допущенный как средство или задуманный как цель, голод был самым смертоносным способом коммунистического уничтожения людей. На него приходится больше половины жертв советской системы и, может быть, три четверти – китайской.

Имя и безымянность

Число евреев, уничтоженных нацизмом, известно с точностью, постоянно корректируемой расследованиями и благочестивой еврейской памятью. Существуют справочники, указывающие численность каждого эшелона, даты их отправки. Имена тщательно учитываются и сохраняются. Что же до числа людей, уничтоженных коммунизмом, то разрыв в оценках достигает десятков миллионов. В «Черной книге коммунизма» принятая оценка, идущая от 85 до более ста миллионов.

Эта ужасающая амплитуда, в рамках которой одни, уничтоженные, как скот, чтятся как люди, а другие, может быть, нашедшие более человеческую смерть (поскольку их все-таки признали «врагами»), забыты, как скот, – эта амплитуда основана не только на благочестивой или нечестивой памяти. Она

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org основана и на том, что расследования невозможны или запрещены почти на всей территории, находившейся или еще и сегодня остающейся под коммунистическим господством, и на том, что, проявляя исключительную память о нацизме, все готовы забыть о коммунизме. Наконец, она основана на природе того и другого строя. Нацизм действует при посредстве строго определенных, административно разграниченных категорий, сменяющих друг друга (инвалиды накануне войны, евреи, цыгане и т. п.), коммунизм применяет неопределенное, одновременное, случайное выхватывание жертв, которое может объять все подчиненное ему население.

* * *

Способ уничтожения – не критерий оценки. Нужно устоять перед склонностью рассматривать одну гибель как но существу более жуткую, чем другую: ни на одну из них невозможно посмотреть вблизи. Никто не узнает, что испытывал тот или иной ребенок, вдыхая «циклон Б» или умирая с голоду в украинской хате. Людей убивали вне рамок всякого правосудия, и поэтому следует сказать, что все они – и те и другие – погибли ужасающе, ибо были невиновны. Когда существует правосудие, можно вообразить, что один способ казни почетнее другого – например, отсечение головы почетнее, чем повешение. Но уничтожения нашего века чужды идеи «чести», и поэтому классифицировать муки невозможно и неприлично.

Глава вторая НРАВСТВЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ

Вокруг физической уничтожения (бескрайней гекатомбы, изувеченной земли) – самою очевидной аспекта катастрофы, на котором сосредоточены исследования и сбор статистических данных, расстилается невидимая территория, где разрушения были, вероятно, еще больше, где они затронули большее число людей и потребуют больше времени на восстановление. Это территория разрушения умов и душ.

Нелепость

Можно составить – и уже составляли – интеллектуальную родословную двух главных идеологем, обуявших в этом веке часть человечества. Но при этом нам грозит опасность поверить, будто в них еще жили те большие и глубокие идеи, от которых они в своем формировании урвали частицу. Они не заслуживают такою почтения и облагораживания. Это значило бы пойти на поводу их претензий на такую родословную. Марксизм-ленинизм выдавал себя за наследника традиций, восходящих к Гераклиту и Демокриту. Он выводил свое происхождение от Лукреция, эпохи Просвещения, Гегеля и всего развития науки. Нацизм ссылался на греческую трагедию, Гердера, Новалиса, иначе трактуемую Гегеля, Ницше и, разумеется, обосновывал свою правоту развитием науки со времен Дарвина. Не надо им верить. Это иллюзия, которая несет с собой дополнительную опасность скомпрометировать всех, чьи имена они приводят: мы рискуем обвинить и Гегеля, и любого другого упоминаемую ими философа или ученого в том, что они произвели на свет таких наследников.

Эта иллюзия рассеивается, стоит только рассмотреть реальный механизм мышления нацистских и коммунистических вождей. Он полностью подчинен исключительно скучной системе истолкования мира: борьба один на один идет между классами или между расами. Определение классов и рас приобретает смысл только внутри данной системы и через нее, так что все мало-мальски объективное в определении класса или расы теряется из виду. Эти обезумевшие понятия объясняют природу борьбы, оправдывают ее, в уме идеолога, направляют деятельность противников и союзников. Можно пользоваться коварством и хитростью как средствами достижения цели, и если взглянуть на факты, то коммунизму, имевшему Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина, достались актеры куда одареннее Гитлера. Логика системы в целом остается абсурдной, ее цель – недостижимой.

Душевное состояние партийного активиста отличается фанатической преданностью системе. Предначертания «свыше» перестраивают все поле ума и восприятия, вплоть до периферии. Язык в результате преобразуется: он служит уже не общению или изъяснению, а сокрытию того, каким образом создается связь между системой и действительностью. Ему принадлежит магическая роль: подчинить действительность мировоззрению. Это «литургический» язык, каждая формулировка которого указывает на принадлежность говорящего к системе и от собеседника требует тоже включиться в нее. Его значимые слова – это угрозы и символы власти.

Под властью идеологии умным оставаться невозможно. Нацизм соблазнил некоторых великих мыслителей: Хайдеггера, Карла Шmitta. Но они проецировали на нацизм свои идеи, которые тому были чужды: глубокий антимодернизм, глубокий антидемократизм, национализм, обращенный в метафизику, – все это нацизм как будто усвоил, но усвоил за вычетом того, что составляло ценность этих идей в интеллектуальной жизни философов: за вычетом мысли, глубины, метафизики. Философы эти тоже поддались иллюзии родословной.

Марксизму-ленинизму так и не удалось завербовать умы крупнее второстепенных – таких, например, как Лукач, и те не замедлили утратить свой талант. Коммунистические партии могли похвастаться знаменитостями в своих рядах: Арагоном, Бретоном, Пикассо, Ланжевеном, Нерудой, но заботились о том, чтобы держать их в стороне, оставляя им возможность прымкать по случаю, по настроению, но выгоде, по обстоятельствам. Тем не менее, несмотря на поверхностный характер этой партийности, и живопись Пикассо (см. «Бойню в Корее»), и поэзия Неруды и Арагона от этого пострадали. Искусство может эстетически выживать в регистре провокации. Большие мыслители прымкают к идеологии в силу случайного стечения страстей, природа которых внеположна идеологии. Но, приближаясь к ее ядру, страсти хиреют, и зачастую остается лишь осадок нелепости.

В зоне коммунизма некоторые вожди, к примеру Сталин и Мао Цзэдун, от своего собственного имени изложили схему основ идеологии. Она умещается на нескольких страницах и содержит всю полноту доктрины: трактатов более высокого уровня, чем эти учебники, нет, хотя их и называют иногда «начальными», чтобы создать впечатление, будто есть другие, более научные; но эти последние – всего лишь многословный пересказ первых. Тем не менее их навязывают как предмет «изучения» – это означает, что подданные обязаны проводить сотни часов за их зубрежкой и пережевыванием. В зоне нацизма таких кратких руководств не было: мысль должна была неуклонно следовать мысли вождя, которая представлялась пророческой и вдохновенной. Анализируя ее содержание, обнаруживаешь жалкую смесь социального дарвинизма, евгеники, ницшеански окрашенной ненависти к христианству, религии «отмщения», патологического антисемитизма.

Как нацистский, так и коммунистический человек прямо напрашивается на психиатрическое обследование. Он выглядит замкнутым, отрезанным от действительности, способным бесконечно приводить своему собеседнику одни и те же доводы, одержимым и в то же время убежденным в своем ясном уме. Вот почему психиатры сравнивают это с хроническим бредом, шизофренией, паранойей. При более углубленном обследовании видишь, что диагноз остается метафорическим. Самый очевидный признак того, что это безумие искусственно, состоит в том, что оно обратимо: когда прекращается давление и меняются обстоятельства, из него мгновенно выходят, словно пробуждаются от сна. Но это сон наяву, не затормаживающий движений и сохраняющий некоторую связность, на вид рациональную. Вне поврежденной сферы, которую у здорового человека составляет высшая часть разума, та, что вырабатывает религию, философию, «идеи, управляющие разумом», как сказал бы Кант, – функции рассудка как будто не повреждены, но поляризованы и порабощены до полного бреда – настолько, что, когда пробуждаешься, голова пуста, а обучение жизни и знаниям следует начинать с самого начала. Германия, которая в течение века была Афинами Европы, пробудилась, отступив от 12 лет нацизма. Что же говорить о России, которая на протяжении 70 лет куда более систематически подвергалась педагогике абсурда и интеллектуальный фундамент которой был менее разработан и более хрупок!

Эти искусственные душевые болезни носят также эпидемический, заразный характер. Их сравнивали со внезапным распространением чумы или гриппа. По своей форме нацификация Германии в 1933 г. или китайская «культурная революция» действительно развиваются, как заразная болезнь. В ожидании более широких познаний об этих психических пандемиях сохраним за такими сравнениями чисто метафорическую ценность.

Нелепость служит и фоном картины нравственного разрушения, и условием его. Расстройство общепринятого естественного сознания может происходить только в том случае, если концепция мира, отношение к действительности заведомо нарушены. Я не буду здесь обсуждать вопрос, считать ли это ослепление смягчающим обстоятельством или признать, что оно составляет неотъемлемую часть зла. Ответ на этот вопрос не отменяет нравственной оценки.

Когда пытаешься внимательно рассмотреть весь комплекс операций, которым подвергали один народ в шести нацистских лагерях уничтожения, – слов не хватает, концепции пропадают, воображение отказывается работать, а память – запоминает. Мы – вне человеческого, как будто оказались перед негативной трансцендентностью. И навязчиво приходит мысль о бесовстве.

Бесовство в наших глазах обозначено тем, что эти действия совершились во имя добра, под прикрытием морали. Инструментом нравственного разрушения служит такая фальсификация добра, что преступник – трудно точно сказать, в какой мере, – способен отстраниться от сознания, что он совершает зло.

Во время войны Гиммлер произнес не одну речь перед высшими офицерами и начальствующим составом СС (по-французски см. Heinrich Himmler. *Discours secrets*. Paris, Gallimard, 1978). Всё они выдержаны в морализаторском тоне.

Вот текст, который поднимается над требованиями эпохи, даже над текущими интересами рейха, и обретает универсальное значение: «Все, что мы делаем, должно быть оправдано перед лицом наших предков. Если мы не обретем этой нравственной связи, глубочайшей и наилучшей, ибо самой естественной, то в этом мы не сможем победить христианство и создать германский рейх, который станет благословением для всей Земли. На протяжении тысячелетий задача белокурой расы – господствовать на Земле и всегда нести ей счастье и цивилизацию» (9 июня 1942).

Добро в понимании нацизма состоит в том, чтобы восстановить естественный порядок, который извратила история. Правильная иерархия рас была нарушена такими прискорбными явлениями, как христианство («эта чума, самая тяжелая болезнь, какая постигла нас за всю историю»), демократия, власть денег, большевизм, евреи. Германский рейх – венец естественного порядка, но в нем есть место и другим германским народам – скандинавам, голландцам, фланандцам. Можно даже оставить неприосновенной Британскую империю – «мировую империю, созданную белой расой». Ступенью ниже – французы, итальянцы. Еще ниже – славяне, они будут обращены в рабство, и численность их будет сокращена: Гиммлер предусматривает «уменьшение» на 30 миллионов. Внутри общества также будет восстановлен естественный порядок, при котором господствуют лучшие, самые твердые, самые чистые, самые благородные: живой пример таковых дает элита Ваффен-СС. Когда Гиммлер произносил эту речь, в больницах и сумасшедших домах уже тайно подвергали эвтаназии неизлечимых больных, инвалидов, душевнобольных, принадлежавших к немецкой «расе».

Веет этого, продолжает Гиммлер, не достичь без исключительно жестокой борьбы. В своих речах он постоянно призывает к героизму, сверхчеловеческому подвигу, высшему чувству долга перед рейхом, особенно когда речь идет о выполнении неприятных приказов: «Мы должны браться за идеологические задачи и следовать судьбе, какой бы она ни была; мы всегда должны жить стоя, не падать, не слабеть, но всегда быть на месте, пока не угаснет жизнь или не будет выполнена задача каждого».

«Окончательное решение еврейского вопроса» – в некоторых аспектах всего лишь техническая проблема, как использование вошебойки, когда есть опасность сыпняка: «Уничтожение вшей не относится к мировоззрению – это вопрос чистоты. (...) скоро у нас не будет вшей» (24 апреля 1943). Метафора насекомых, подлежащих уничтожению, регулярно появляется в контексте идеологической истребления. Уже Ленин использовал ее вовсю. Но Гиммлер как хороший начальник говорит это, чтобы ободрить и поощрить своих слушателей. Он знает, что им непросто: могут всплыть ложные угрызения совести, и, чтобы выполнять задачи определенного типа, «нужно всегда сознавать, что мы ведем расовую, первобытную, естественную и законную борьбу» (1 декабря 1943). Эти четыре эпитета адекватно описывают характер нацистской этики.

В речи 6 октября 1943 г Гиммлер излагает свою концепцию «окончательного решения еврейского вопроса»: «Предложение «Евреи должны быть истреблены» содержит всего несколько слов, оно произносится быстро, господа. Но то, чего оно требует от исполнителя, – это самое тяжелое и самое трудное в мире. Разумеется, это евреи, всего лишь евреи, это очевидно; но подумайте о том, какое число людей – даже членов партии – обращались к самым разным службам или ко мне самому с пресловутыми ходатайствами, заявляя, что, конечно, все евреи – свиньи, кроме такого-то или сякого-то – порядочных евреев, которых не надо трогать. Осмелюсь утверждать, что, судя по числу

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org таких ходатайств и таких мнений, порядочных евреев в Германии больше, чем насчитывается евреев вообще. (...) Я настойчиво прошу вас просто выслушать то, что я говорю здесь, в узком кругу, и никогда потом об этом не говорить. Перед нами встал следующий вопрос: что делать с женщинами и детьми? – я набрался духа и в этом случае тоже нашел очевидное решение. Я не чувствовал бы себя вправе истреблять мужчин – если угодно, скажите убивать или приказывать убивать – и оставить детей, чтобы они выросли и отомстили нашим детям и нашим потомкам. Надо было принять тяжкое решение – смести этот народ с лица земли. Для организации, которой предстоит выполнить эту задачу, это будет самым трудным из всего, что ей довелось делать. Думаю, я смогу сказать, что это было выполнено без того, чтобы наши люди, наши офицеры страдали сердцем или душой. Однако такая опасность существует. Путь, пролегающий между двумя возможностями: стать слишком жестоким, бессердечным и потерять уважение к человеческой жизни или же стать слишком мягким и потерять голову вплоть до нервных припадков, – путь между Сциллой и Харибдой ужасающе узок».

Эта добродетельная золотая середина, которой требует Гиммлер, иногда достигалась: действительно, многие крупнейшие палачи были нежными отцами семейства, сентиментальными мужьями. Он требует, чтобы «задача» выполнялась без вмешательства «эгоистических» мотивов, спокойно, без слабонервности. Пьянствовать, насиливать девушек, грабить в свою пользу депортированных, впадать в ненужный садизм – все это доказательства недисциплинированности, беспорядка, забвения нацистского идеализма, подлежащие осуждению и наказанию.

* * *

Нацистская мораль велит следовать порядку, который указан природой. Но естественный порядок не познан наблюдением, а выведен из идеологического знания. Поляс добра представлен «белокурой расой», поляс зла – «еврейской расой». Космическая борьба закончится победой той или другой.

Но тут все ложь. «Рас», как их понимают нацисты, не существует. Не существует и «рослого белокурого арийца», даже если можно себе представить рослых белокурых немцев. И «еврея», как они его понимают, не существует, ибо созданный нацистами расовый образ имеет лишь случайные совпадения с подлинным национальным обликом народа библейского Завета. Нацист думает, что видит природу, но природа прячется за схемой толкования. Историческое и военное положение тоже воспринимается не без искажений. В силу своего нацизма Гитлер развязывает войну – и в силу того же нацизма терпит в ней поражение. Превосходство Сталина состояло в том, что он сумел отодвинуть свою идеологию в сторону на то время, которое потребовалось для подготовки победы. Идеология ленинизма была «лучше», потому что она позволяла такие передышки и политическое терпение, на что нацизм, импульсивный и конвульсивный, был неспособен.

Нацистская этика проявлялась как отрицание этических традиций всего человечества. Ничтожная горстка маргинальных мыслителей осмелилась в порядке эстетической провокации поднять некоторые ее темы. И действительно, род предлагаемого ею натурализма: сверхчеловек, недочеловек, стремление к могуществу, нигилизм иррационализм – заставляет её сползать в эстетику. Это опьяняющий художественный китч: нюрнбергские зрелища, колоссальная архитектура типа построек Шпеера, Мрачный блеск грубой силы. Но в качестве морали она не может породить серьезных продолжателей в истории, где ее извращенность становится очевидной, а сама она не переводится на общечеловеческий язык. Эти две слабости противопоставляют ее коммунистической морали.

Этим и объясняется тот факт, что нацистская мораль была менее заразной, чем коммунистическая, а нацистское нравственное разрушение – менее экстенсивным. «Низшие» расы, расы «недочеловеков» видели в этой доктрине неминуемую смертельную угрозу и не могли ею соблазниться. Сам немецкий народ следовал за Гитлером (насколько следовал) больше из национализма, чем из нацизма. Национализм, естественная страсть, чрезвычайно разжигаемая в последние два века, поставлял противоестественным построениям нацистскою – как, кстати, и коммунистическою – строя свою энергию, свое горючее. Отдельные члены немецкой элиты поддержали приход канцлера к власти, но хулиганский аристократизм гитлеровских отрядов не имел ничего общего с бывшей элитой. Та элита, что опиралась на Ницше, попалась в ловушку, как и все остальные. Что касается лояльности офицерской корпуса, то она

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org объясняется военными традициями, по случаю укреплявшимися щепоткой кантианства или гегельянства. Солдаты повиновались, как повинуются солдаты.

Вот почему теоретическая вершина нацизма – физическое уничтожение еврейского народа, а затем, в иерархическом порядке, и других народов – была секретом рейха, притом одним из крепче всего охранявшихся. «Хрустальная ночь», которая представляла собой тест, попытку собрать и объединить немецкий народ вокруг великого замысла, не стала политическим успехом. Тогда Гитлер решил выстроить за пределами исторической территории Германии шесть крупных центров массового уничтожения.

Нацистские нравственные разрушения можно описать как концентрические круги вокруг центрального ядра, картину которого дают вышеприведенные фрагменты речей Гиммлера. Это ядро сформировано теми, кто полностью принял нацизм: сердцевина партии, сердцевина Ваффен-СС, сердцевина гестапо. Практиков истребления – еще меньше. В большем их числе нацизм и не нуждался: высокоразвитый немецкий промышленный и технологический потенциал позволял экономить на рабочей силе. Несколько сотен эсэсовцев, управлявших лагерями смерти, поручали «черную» работу самим жертвам. Личный состав «айнзатцгрупп» набирался без всякой предварительной подготовки в литературе отмечалось, что члены этих подразделений убийц теоретически могли оттуда уйти. Но тоша их ожидала крупные неприятности, начиная с отправки на Восточный фронт. Эти люди были – или стали – чудовищами, но нет уверенности, что все они были фанатиками нацистской идеологии. Среди любого народа нетрудно набрать столько убийц и пыточных дел мастеров, сколько потребуется. Идеологическая покраска облегчала их призвание и позволяла им процветать.

Подчеркивалось также, что деятельность «айнзатцгрупп» не могла оставаться неизвестной вермахту, в тылу которого они оперировали; что ни предназначение этапов, ни ликвидация гетто не оставляли места особым гаданиям; что, несмотря на «ничейную зону», окружавшую лагеря смерти, что-то в конце концов оттуда просачивалось. Хилберг пишет, что это был «всем известный секрет» Это, конечно, верно, но нужно учесть две вещи.

Секрет, известный всем, – не то же самое, что провозглашаемая политика и публично оглашенный факт. Немцы следовали за Гитлером из военной и гражданской дисциплинированности, из национализма, страха, бессилия задумать или осуществить акт сопротивления. Секрет, даже переставший быть секретом, освобождал их от прямой нравственной ответственности, по крайней мере помогал лукавить, отворачиваться, делать вид, что ничего такого не существует. При нацизме сохранялось общество, жившее на остатках права. Офицерский корпус включал большое число людей, сохранивших верность законам и обычаям ведения войны и с большим или меньшим успехом старавшихся сберечь некоторую честь. Собственность еще не была ликвидирована, а с нею кое-как сохранялось и гражданское общество. Кинофильм «Список Шиндлера» основан на том, что предприниматель в Германии имел возможность набирать и защищать еврейскую рабочую силу. В России такое нельзя представить с первых же лет коммунизма.

Для нормального человека содержание секрета выглядело невероятным. Значительная часть Германии жила еще в привычном обществе, следуя привычной морали, и толком не представляла себе, что ее ожидает, поэтому трудно было поверить в действительность, которую от нее скрывали, в содержательность подозрений, в очевидность улик. Сами евреи, пережившие экспроприацию, сборы и этап, продолжали не верить в действительность перед входом в газовую камеру.

Нацистская педагогика поработала всею несколько лет. Когда Германия была оккупирована, нацизм тут же испарился – по крайней мере в западной зоне: на востоке он нашел новое применение. Он испарился, во-первых, потому что был судим и осужден как немецкими так и международным судами. Во-вторых, потому что большинство населения не прониклось им глубоко. Наконец, потому что сами нацисты, пробудившись, не видели ясной связи между тем, чем они были под колдовским воздействием идеологии и чем стали теперь, когда это воздействие рассеялось. Эйхман вновь обрел свою исконную натуру среднего служащего, каковым он был прежде и каковым снова стал бы потом, если бы не был схвачен и судим. Приговор он воспринял пассивно, в соответствии со своим бесцветным характером. Предъявленные ему обвинения, как это справедливо показала Ханна Арендт, были несоизмеримы с ограниченным сознанием этого банальною существа.

Коммунистическая фальсификация добра

Коммунизм морален. На нравственный императив опирается вся предыстория большевизма (французский и немецкий социализм, русское народничество), и его победа празднуется как победа добра. Эстетика не обгоняет этику. Нацист воображает себя художником, коммунист – праведником.

Основа этой морали лежит в системе истолкований и вытекает из знания. Первобытная природа, учит коммунизм, – вовсе не та иерархизованная, жестокая, беспощадная природа, которой восхищается нацистский сверхчеловек. Нет, она подобна благой природе Руссо. Она утрачена, но социализм воссоздаст ее на более высоком уровне, и тогда человек осуществит все свои потенции. Троцкий утверждал, что базовый уровень новою человечества будет равен Микеланджело и Леонардо да Винчи. Коммунизм демократизирует сверхчеловека.

Естественней прогресс – это исторический прогресс, так как исторический иialectический материализм утверждает единство природы и истории. Коммунизм присваивает тему прогресса, великую тему эпохи Просвещения, прямо противоположную темам упадка и деградации, которыми одержим нацизм; но это прогресс драматический, проходящий через огромные и неизбежные разрушения. Здесь мы узнаем обрывки гегелевского панträгизма и особенно суворой дарвиновской борьбы за существование, примененной к обществу «Общественные производственные отношения» («рабовладельческий строй», «феодализм» «капитализм») сменяются как царства в животном мире, как млекопитающие приходят на смену земноводным. Здесь лежит тайная почва согласия между нацизмом и коммунизмом: «нечего плакать над пролитым молоком», «не разбив яйца, не сделать яичницу», «лес рубят – щепки летят» С той и другой сторон история – учительница. Нацизм восстанавливает мир в его красе, коммунизм – в его добре.

Восстановление зависит от человеческой воли, которая просвящена идеологией. Еще яснее, чем нацизм, ленинизм подчиняется гностической схеме двух антагонистических начал и трех времен. В прошлом была первобытная община, в будущем будет коммунизм, а настоящее – время борьбы между двумя началами. Силы, обеспечивающие движение «вперед», хороши, силы, «тормозящие» его, плохи. Идеология (научно обоснованная) описывает принцип зла. Это не биологическое бытие (низшая раса), а социальное, которым, по правде говоря, пронизано все общество: собственность, капитализм, сумма нравов, нрава и культуры, которая надстроена над этим злом и сводится к словам «дух капитализма» Люди, которые поняли смену времен и оба начала, которые познали суть естественного и исторического порядка и знают направленность его эволюции и средства её ускорить, собираются воедино и составляют партию.

Следовательно, хороши все средства, приближающие цель, которую провидит революционер. Поскольку процесс в такой же степени является естественным, как и историческим, разрушение старого режима само по себе есть искупительная жертва, приближающая новое. Формулировка Бакунина, резюмировавшего то, что ой понял из Гегеля, становится аксиомой большевизма: дух разрушения – это тот же дух созидания. В предыстории большевизма герои-народники остро сознавали нравственную революцию, следовавшую из их концепций. Чернышевский, Нечаев, Ткачев развивали в литературе тему «нового человека» – Достоевский написал на нее сатиру и понял её метафизический смысл. Новый человек – это тот, кто усваивает новую мораль абсолютной преданности целям, тот, кто сурово упражняется в изгнании из себя остатков старой морали, проповедовавшейся «классовыми врагами», чтобы увековечить свое господство. Ленин канонизировал коммунистическую этику. Троцкий написал брошюру об «их морали» и «пашей».

Удивительно, что за пределами революционной среды никто не заметил этого нравственного разлома. Чтобы описать новую мораль, коммунизм заимствует слова у старой: справедливость, равенство, свобода... Мир, который он готовится разрушить, в самом деле полон несправедливости и угнетения. Люди, жаждущие справедливости, не могут не признать, что коммунисты разоблачают эти бедствия исключительно пылко. И те и другие констатируют, что в распределении богатств не соблюдается справедливость. Руководствуясь идеей справедливости, хороший человек стремится достичь лучшего перераспределения богатств. Для коммуниста идея справедливости состоит не в «справедливом» дележе, а в установлении социализма, в отмене частной собственности, чем,

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org следовательно, аннулируются любые меры дележа, сам дележ как таковой и права сторон. Порождая сознание неравенства, коммунисты не ставят себе целью констатировать недостатки нрава: их цель – породить жажду такого общества, в котором право перестанет быть инструментом регулирования. Точно так же коммунистическая идея свободы имеет целью возбудить сознание гнета там, где индивидуум, жертва капиталистического отчуждения, считает себя свободным. В конечном счете все слова, которые служат, чтобы выражать модальности добра: справедливость, свобода, человечество, доброта, великодушие и т. п., – инструментализованы ради единственной цели, которая все их содержит и все их реализует, – ради коммунизма. В перспективе коммунистической идеи эти слова сохраняют с прежними лишь отношения омонимии.

Однако существовали простые критерии, которые могли бы рассеять эту путаницу я называю естественной, или общепринятой, моралью ту, на которую ссылались как мудрецы античности, так и китайские, индийские, африканские мудрецы. В мире, сформированном Библией, эта мораль скжато изложена на второй скрижали Десяти заповедей. Коммунистическая этика вполне сознательно им противостоит. Она задается целью уничтожить собственность и тесно связанные с нею право и свободу и преобразовать семейный порядок. Она разрешает себе все виды лжи и насилия как средства преодоления старого порядка и пришествия новому. В результате она в своих основах прямо противоречит пятой заповеди («почтай отца твоего и мать твою»), шестой («не убивай»), седьмой («не прелюбодействуй»), восьмой («не кради»), девятой («не произноси ложного свидетельства на ближнею своею») и десятой («не желай ничего, что у ближнею твоему»). Нет никакой необходимости веровать в библейское Откровение, чтобы согласиться с духом этих предписаний, известных всей земле. Большинство людей считает, что существуют поступки истинные и хорошие, потому что эти поступки соответствуют тому, что им известно о строении Вселенной. Коммунизм учреждает иную вселенную и с нею соотносит свою мораль. Вот почему он отвергает не только предписания, но и их основу – естественный мир. Мы сказали, что коммунистическая мораль строится на природе и истории, но это неверно: она строится на сверхприроде, которой не существует, и на истории, лишенной истины.

«Советский строй, – писал Раймон Арон в «Демократии и тоталитаризме» (Raymond Aron. *Democratic et totalitarisme*. Paris, Gallimard, 1965, p. 302), – вышел из революционной воли, вдохновленной гуманным идеалом. Целью было создание самого человечного строя, какой только знала история, первого, при котором все люди получат доступ к человечности, где классы исчезнут, где единство общества позволит гражданам взаимно признать друг друга. Но это движение, направленное к абсолютной цели, не останавливалось ни перед какими средствами, потому что, согласно доктрине, только насилие могло создать это абсолютно хорошее общество и потому что пролетариат был втянут в беспощадную войну с капитализмом. Из этого сочетания возвышенной цели и беспощадной техники возникли различные стадии советского строя».

Эти строки как нельзя более ясно отражают двусмысленность и ложь коммунизма. Ибо то, что названо человеческим и человечным, на самом деле сверхчеловеческое и сверхчеловечное именно это и обещает идеология. Человеческое и человечное не имеют за собой ни права, ни будущего. Классы не примирены – они исчезают. Общество не становится единым – оно разрушено в своей самостоятельности и присущей ему динамике. Не пролетариат ведет войну против капитализма, а идеологическая секта, которая вещает и действует его именем. Наконец, капитализм существует лишь в противопоставлении социализму, существующему разве что в рамках идеологии, и, следовательно, концепция капитализма не годится для описания той действительности которая должна быть ликвидирована. Цель отнюдь не возвышена – она лишь принимает окраску возвышенности. Средство, т. е. убийство, становится единственной возможной целью.

Заключая долгую, достойную восхищения параллель между нацизмом и коммунизмом, Раймон Арон пишет: «я до конца буду настаивать на том, что разница между двумя этими явлениями существенна, каковы бы ни были их сходства. Разница существенна вследствие идей, одушевляющих то и другое предприятие. В одном случае завершение – трудовой лагерь, в другом – газовая камера. В одном случае действует воля к созданию нового строя и, может быть, иного человека любыми средствами; в другом – чисто дьявольская воля к истреблению одной псевдорасы» (там же).

И я признаю различие между нацизмом и коммунизмом на основе аргументов,
Страница 15

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org которые изложу дальше. Приведенные здесь меня не убеждают. Нацизм тоже проектировал новый строй и нового человека и тоже любыми средствами. Невозможно решить, что является более дьявольским: уничтожить одну псевдорасу, затем по очереди все другие псевдорасы, включая «высшую», ибо все они испорчены, или один псевдокласс, затем последовательно все другие, ибо все они заражены духом капитализма.

Раймон Арон заключает: «Если бы мне надо было сжато передать смысл каждого из двух предприятий, вот какие формулировки, думаю, я предложил бы: по поводу советского предприятия я напомнил бы банальные слова: «Кто хочет сотворить ангела, сотворяет зверя»; по поводу гитлеровского – сказал бы: «Человек, по-видимому, заблуждается, ставя себе целью походить на хищного зверя, ибо чересчур в этом преуспевает».

Что лучше – быть зверем, изображающим ангела, или человеком, изображающим зверя, если доказано, что они оба – хищники? Ответа на этот вопрос быть не может. В первом случае степень лжи выше, а облазн влечет сильнее. Фальсификация добра более глубока, потому что преступление здесь больше напоминает добро, чем неприкрытое нацистское преступление. Это позволяет коммунизму распространиться шире и затронуть сердца, которые отпянули бы перед эсэсовскими преднаучертаниями. Сделать дурными хороших людей – штука, вероятно, более дьявольская, чем сделать плохих людей еще хуже.

Аргументация Раймона Арона сводится к разнице замысла. Нацистский замысел противоречит общечеловеческой идее добра. Коммунистический замысел извращает ее, нагому что выглядит хорошо и позволяет множеству невнимательных душ присоединиться к проекту. Проект остается неосуществимым, и, чтобы вынести нравственное суждение, остаются только средства, а они, неспособные достичь своей цели, становятся действительной целью. Добавляясь к преступлению, ложь делает его более притягательным и опасным.

Более притягательным, так как ленинизм ворует наследие крайне древнего идеала. В момент обращения не все способны распознать произведенное им извращение идеала. Бывает, человек долго, даже всю свою жизнь, остается коммунистом, не заметив этот извращения. Путаница между прежней моралью (общепринятой) и новой никогда до конца не распутывается. Настолько, что в коммунистических партиях остается некоторая доля «порядочных людей», нравственный упадок которых отсрочен, и их наличие играет на руку всеобщей амнистии. Бывшего коммуниста прощают легче, нежели бывшего нациста, которому подозревают в том, что с момента своею вступления в партию он сознательно порвал с общепринятой моралью.

Более опасным, так как коммунистическое воспитание коварно и неустанно, так как оно изображает добрыми дурные дела, которые заставляет совершать. Коммунистическое преступление более опасно и потому, что непредсказуемо для своих будущих жертв. В самом деле, любой человек в любой момент может приобрести воображаемые свойства врага. Нацизм заранее указывал своих врагов. Он наделял их фантастической природой, ничего общего не имевшей с подлинной, но за недочеловеком стоял реальный еврей, за презренным славянином – поляк или украинец в крови и плоти. Те, кто не был ни евреем, ни славянином, получали отсрочку. Общечеловеческий характер, который до захвата власти представляет громадное превосходство коммунизма над нацистской исключительностью, становится общечеловеческой угрозой, как только коммунизм приходит к власти. Капитализм в принятом у коммунистов словоупотреблении обладает лишь идеологическим бытием, и нет такой категории человечества, которая не может подпасть под обрушающиеся на нее проклятие: крестьяне – «середняки» и «бедняки», интеллигенция, «пролетариат», в конечном счете и сама партия. Все могут быть заражены духом капитализма. Никто не свободен от подозрений.

* * *

Не без некоторого реализма нацистские вожди обещали кровь и слезы, предвидели смертный бой, чтобы восстановить человечество в его правильном расовом порядке. Ленин, наоборот, считал, что время созрело и эсхатологическое предназначение мира исполнится, как только будет свергнут «капитализм». Революция охватит пожаром весь мир. Как только экспроприаторы будут экспроприированы, формы социализма явятся сами. И вот наутро после 7 ноября 1917 года ничего такого не происходит, а занавес раскрывается над пустой сценой. Куда делись пролетариат, бедное и среднее крестьянство, пролетарский интернационализм? Ленин – один со своей партией да горсткой

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
красногвардейцев во враждебном или равнодушном мире.

Однако марксизм-ленинизм – это наука. Значит, надо, чтобы опыт принес доказательства теории. Раз капитализм свергнут, важно, чтобы наступил социализм. Поскольку он явно не наступает, ничего не остается, как конструировать его, следя указаниям теории, и проверять, чтобы результат постоянно им соответствовал. Так слой за слоем конструируется поддельная вселенная, предназначенная заменить подлинную. Так сгущается атмосфера всеобщей лжи настолько, что факты все больше отдаляются от слов, которым поручено их описывать. Неистово самоутверждается добро, отрицающее реальность зла.

Главным образом именно этим путем происходит нравственное разрушение при коммунистическом строе. Как при нацистском строе, оно распространяется концентрическими кругами вокруг центрального ядра.

В центре находится партия, а внутри партии – ее руководящий круг. В первый период правления он еще полностью находится во власти идеологии. Именно тогда он занимается ликвидацией «классовых врагов». Обладая совершенно отравленной совестью, он уничтожает во имя утопии целые категории людей. Ретроспективно брошенный взгляд показывает, что, будь то в России, Корее, Китае, Румынии, Польше, Камбодже, это первоначальное кровопускание было одним из самых крупных за историю коммунистического строя – порядка иногда 10 и более процентов населения.

Когда оказывается, что утопический сон по-прежнему не сбывается, а принесение в жертву каждого десятого ни к чему не привело, наблюдается сползание утопии к простому сохранению власти. Поскольку объективный враг уже истреблен, нужно следить, чтобы он не возник заново, вплоть до возможности появления его в самих рядах партии. Это момент второго террора, который кажется абсурдным, потому что не соответствует общественно-политическому сопротивлению и направлен на установление полною контроля над всеми людьми и всеми мыслями. Тогда страх делается всеобщим, распространяется и в самой партии, каждый член которой чувствует себя в опасности. Все доносят на всех, все предают друг друга.

Затем наступает третья стадия: партия принимает меры против перманентной чистки. Она удовлетворяется рутинным отправлением власти и своей безопасностью. Она больше не верит в идеологию, но продолжает говорить на ее языке и следит за тем, чтобы этот язык, лживость которого ей известна, оставался единственным разговорным языком: это знак ее господства. Партия накапливает привилегии и льготы. Она преобразуется в касту. Наступает всеобщая коррупция. В народе ее членов теперь сравнивают не с волками, а со свиньями.

Периферию составляет остальное население. Все оно целиком и немедленно призывается и мобилизуется на построение социализма. Все оно целиком претерпевает угрозы, подвергается обману, побуждается к участию в преступлении.

Прежде всего оно заперто. Любое коммунистическое правительство закрывает границы – это один из его первых шагов. Нацисты вплоть до 1939 г. разрешали отъезды за выкуп: «чистота» Германии от этого выигрывала. Коммунисты – никогда. Они нуждаются в абсолютной непроницаемости границ, чтобы защитить секрет своих массовых боен и свою поражения, но прежде всего потому, что вся страна должна стать школой, где все получат образование, искореняющее дух капитализма и влияющее на его место социалистический дух.

Второй шаг – контроль над информацией. Населению не положено знать, что происходит за пределами социалистического лагеря. Ему не положено знать и то, что происходит внутри страны. Ему не положено знать свое прошлое. Ему не положено знать свое настоящее. Ему положено знать только светлое будущее.

Третий шаг – заменить действительность псевдо-действительностью. Целое сословие специализируется на производстве псевдо-журналистики и псевдо-истории, псевдо-литературы и псевдо-искусства, и все это имеет задачу фотографически отражать несуществующую действительность. Псевдо-экономика издает воображаемую статистику. Иногда нужды декораторов приводят к мерам в нацистском стиле. Так, в СССР инвалиды войны и труда были изъяты из жизни общества и отправлены в далекие инвалидные дома, где

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org они больше не портили картину. В Корее, как Сообщают, высыпают карликов и препятствуют деторождению у них – вся их «раса» должна исчезнуть. На воздвижении этих гигантских декораций заняты миллионы людей. Чему это служит? Тому, чтобы доказать, что социализм не только возможен, но что он строится, укрепляется и, более тою, уже осуществлен: уже существует новое, свободное, самоуправляющееся общество, где растут «новые люди», которые стихийно думают и действуют по канонам действительности-вымысла. Самый могущественный инструмент власти – выработка нового языка, где слова принимают смысл, отличающийся от общепринятого. Его особый словарь и манера выражаться ставят его на уровень богослужебного языка: он означает трансцендентность социализма. Он сигнализирует всемогущество партии. Его употребление в народе – очевидный признак порабощения.

Сначала значительная часть населения добросовестно учится лжи. Люди входит в новую мораль со своим прежним нравственным наследием. Они любят вождей, обещающих счастье, они верят, что счастливы. Они думают, что живут в справедливом обществе. Они ненавидят врагов социализма, разоблачают их, одобряют их ограбление, их ликвидацию. Они участвуют в истреблении врагов или поддерживают его. Они соучаствуют в преступлении, сами того не замечая. В то же самое время их отупляют невежеством, дезинформацией, псевдо-логикой. Они теряют интеллектуальные и нравственные точки опоры. Неспособность отличить коммунизм от общепринятого нравственного идеала приводит к тому, что, когда их чувству справедливости наносится удар, они относят злоупотребление на счет внешнего врага. Вплоть до самого падения коммунизма в России люди, подвергшиеся дурному обращению со стороны милиции или партийных активистов, нередко обзывали их «фашистами». Им не приходило в голову обозвать их настоящим именем – коммунисты.

Затем жизнь в социалистических декорациях вместо того, чтобы становиться «лучше» и «веселее», как говорил Сталин в разгар «великой чистки», становится все мрачнее, все заунывнее. Нравственная деградация, до сих пор бессознательная, проникает в сознание. Социалистический народ, который творил зло, думая, что творит добро, теперь знает, что делает. Он доносит, ворует, пресмыкается – и стыдится этого. Коммунистический строй не прячет своих преступлений, как нацизм, он объявляет о них во всеуслышание, он призывает население в соучастники. За каждым осуждением следует митинг одобрения. Обвиняяю публично проклинают его товарищи, жена, дети. Они следуют ритуалу из страха или корысти. Стахановец-энтузиаст первого времени – если таковой когда-либо существовал иначе, нежели в виде элемента декораций, – раскрывается как ленивый, раболепный, тупой *homo soveticus*. Женщины начинают ненавидеть мужчин, дети – родителей, чувствуя, что и сами станут такими же.

Последнюю стадию описали писатели конца советской эпохи – Ерофеев, Зиновьев. Самое распространенное чувство – отчаяние и отвращение к себе. Остается пользоваться специфическими удовольствиями, которые предоставляет этот строй: безответственностью, лодырничеством, растительным прозябанием. Люди уже не дают себе труда практиковать двоемыслие – скорее они стараются вовсе ничего не думать. Они замыкаются в себе. Слезливая сентиментальность, self-pity – способ призвать других в свидетели своей деградации, как это делают пьяницы. По-прежнему идет гоббсовская борьба всех против всех, но уже с весьма малой энергией. Зиновьев предполагал, что «*homo soveticus*» – продукт необратимой видовой мутации. Вероятно, он ошибся.

От педагогики лжи никуда не скрыться. Социальные рамки прежнею общества уничтожены вместе с собственностью и заменены новыми – бесчисленными школами и местами слежки: для крестьян – колхозом, китайской народной коммуной, для рабочих – «профсоюзом», для писателя и художника – «творческим союзом». Историю коммунистического строя в разных странах можно описать как неустанную погоню за всеобщим контролем, а со стороны подданных – как отчаянные поиски убежища, хотя бы своего уголка. Уголок всегда находится. Именно так некоторые семьи старой интеллигенции в России смогли сберечь свои традиции. Из одной такой семьи вышел Андрей Сахаров. В университетах были почти спокойные кафедры ассирологии или классической филологии. В порабощенных храмах можно было вдыхать чистый воздух. В конце коммунизма в Москве встречались компании молодых людей, которые, обретя нравственную и интеллектуальную жизнь, добровольно жили чем придется, не поступали на службу, не добивались никаких должностей, предельно ограничивали контакты с советской внешней средой. Так они держались до конца.

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
В советской империи коммунистический дух перевоспитания останавливался у лагерных ворот. У нацистов обращение и не должно было иметь места, но большевики практически просто-напросто отказались от обращения зэков в свою веру. Настолько, что, например, Солженицын мог утверждать, что, несмотря на весь свой ужас, лагерь был местом интеллектуальной свободы и духовного веяния. Азиатский коммунизм, наоборот, сделал лагерь местом, где педагогика осуществляется особенно навязчиво, пыточно. Власти регистрируют успехи заключенного. Выйти из лагеря можно или мертвым, или перевоспитанным.

Оценка

В пределах, которые ставит историческая точка зрения, можно попробовать сравнительно оценить нравственное разрушение, причиненной в нашем веке нацизмом и коммунизмом.

Под нравственным разрушением я имею в виду не распущенность нравов в том смысле, в котором на это с незапамятных времен жалуются старики, глядя на нравы молодежи. Я не хочу также судить этот век в сравнении с другими. Нет никаких философских оснований считать, что человек раньше был более добродетельным или менее добродетельным. Фактом остается, что коммунизм и нацизм взялись пойти против течения и изменить нравственные правила, сознание добра и зла. По этой причине были совершены некоторые вещи, которых доныне человеческий опыт еще не знал.

Хотя интенсивность преступления была доведена нацизмом до такого уровня, с которым коммунизм, может быть, не сравнялся, следует, однако, констатировать, что коммунизм повлек более широкие и глубокие нравственные разрушения. Тому есть две причины.

Во-первых, обязанность усвоить новые нравственные правила охватывает все население, подвергающееся перевоспитанию. Свидетельские показания говорят нам, что это принудительное обращение – самая невыносимая часть коммунистического гнета и что все остальное: отсутствие политических и гражданских свобод, полицейская слежка, физические репрессии, даже страхи – ничто в сравнении с этой воинствующей педагогикой, которая сводит с ума, нагому что противоречит очевидным, чувственно и разумно воспринимаемым фактам. Что в конечном счете все множество «мер» и «органов» ей подчинено. И поскольку коммунизм, в отличие от нацизма, располагал временем, педагогика пошла до конца. Ее крушение или отступление оставили в наследство травмированное человечество, и отправленные души тут труднее очистить, чем в Германии, которая после временного отчуждения пробудилась от кошмара, готовая к труду, к суду совести, к очищающему покаянию.

Во-вторых, потому что сохраняется неискоренимая путаница между общепринятой и коммунистической моралью: вторая прячется за первой, паразитирует на ней, поражает ее, как гангрена, делает из нее инструмент распространения своей заразы. Вот недавний пример: в одной из дискуссий, последовавших за появлением «Черной книги коммунизма», автор передовиц в «Юманите» заявил по телевизору, что 85 миллионов погибших ни в чем не омрачают коммунистического идеала: они представляли собой всего лишь достойный глубокою сожаления уклон. После Освенцима, продолжал он, нельзя быть нацистом, но после советских лагерей можно оставаться коммунистом. Этот человек, говоривший в полном сознании, совершенно не отдавал себе отчета в том, что вынес себе самый роковой приговор. Он не заметил, что коммунистическая идея настолько растлила принцип реальности и нравственное начало, что действительно смогла пережить 85 миллионов трупов, в то время как нацистская идея под своими трупами рухнула. Считая, что он говорит как человек великой честности, как бескомпромиссный идеалист, он произнес чудовищные слова. Коммунизм более извращен, чем нацизм, потому что он не предлагает человеку сознательно принять мораль преступника, но пользуется духом справедливости и добра, распространенным по всей земле, чтобы по всей земле распространить зло. И любой коммунистический опыт вновь начинается в невинности.

Глава третья Разрушение политики

Я рассмотрел физическое уничтожение людей и разрушение их нравственной природы – природы разумных существ, способных различать добро и зло. Следует еще рассмотреть разрушение политической природы, то есть способности создавать семейные и общественные связи, обустраивать отношения правителей с подданными, формируя таким образом полис, государство.

Политика разрушения политики

Прежде чем захватить власть и для того чтобы ее захватить, коммунистические и нацистские партии используют все имеющиеся политические средства. Они включаются в политическую игру, но сами при этом остаются вне игры, подчиняясь собственным критериям и внутрипартийной дисциплине. К примеру, когда партия большевиков требует отдать землю крестьянам и немедленно заключить мир, это не значит, что она успокоится, когда будут удовлетворены оба эти требования. Большевикам нужно привлечь на свою сторону крестьян и солдат, чтобы начать революционный процесс. Но вот революция осуществлена – земля у крестьянина отбирается, и начинается активная подготовка к войне. Партия не видит в этом ни малейшего противоречия. Ни одно дело не завершается достижением поставленной цели, оно включено в бесконечное движение и существует только как жертва, приносимая ради другого дела, выходящего за провозглашенные ранее пределы.

Придя к власти, партия как никогда ранее ведет политику разрушения политики. Все органические формы общественной жизни ликвидируются: семья (если партии хватает на это сил; семья повсюду оказывает сопротивление и тем не менее все-таки размывается и деградирует), классы, общественные организации и государственные органы. Людей полностью лишают права на объединение, на самостоятельную организованность, на представительство, сводят до положения винтиков и в этом виде загоняют в новые общественные формы. Эти формы строятся по образцу тех, которые должны были бы существовать, если бы социализм существовал как общество, и получают названия советов, союзов, коммун. Поскольку социализм существует лишь в воображении, жизнь новых общественных форм поддерживается исключительно принуждением. Решение о том, должны ли новые органы и организации получить названия, отражающие воображаемый социализм, или сохранить старые, чтобы казалось, будто прежний мир еще в некоторой степени существует, зависит от текущих политических выгод: во втором случае их назовут профсоюзами, академиями, парламентами, кооперативами – эту омонимию можно «политически использовать». Какое множество западных парламентских или муниципальных делегаций попались на удочку, считая, что их принимают парламентарии и члены городских управ, а не партийные чиновники, присвоившие эти названия!

В общих чертах нацистская партия подражала коммунистическому разрушению политики. Она тоже захватила власть, скрывая свои реальные цели и обманывая временных союзников (из числа правых консерваторов), чтобы затем подавить их. Она тоже создала новые организации и вербовала туда молодежь и «массы». Нацистская идея не требовала немедленного уничтожения прежних общественных форм – нацисты довольствовались тем, чтонейтрализовали и подчинили их. Поэтому при нацизме сохранились предприниматели, рынок, судьи, чиновники прежнего типа, занимавшие свои должности до нацистов, не снятые с них и продолжавшие руководствоваться прежними правилами. Начавшаяся война ускорила наступление тотальной власти нацизма и закрепила ее. Мы не знаем, как все развивалось бы дальше в случае победы.

Остаточные явления политики

Führerprinzip – существенная деталь задуманного нацизмом возврата к природе. Стержнем организации всего общества должна была стать пирамида лояльных, связанных присягой, преданных рейху начальников, возглавляемых вождем, прославление которого нерасторжимо связано с духом всей системы.

Коммунистическая партия тоже имеет иерархическую структуру, но в принципе – на демократической и выборной основе. Оригинальность партии Ленина состояла в том, что с самого ее основания центр указывал партийным «назаром», кого они должны выбирать, так что демократические выборы просто давали возможность испытать всемогущество центра. Дело в том, что гностическое сознание и научное знание, на которых зиждалась партия, теоретически были достоянием ее руководства и отсюда, из этой точки, шли в «низы», которые, препоручая власть «центру», проявляли свои успехи в усвоении доктрины и «партийной линии». В результате со временем Ленина наблюдался культ вождя, достигший своего апогея при Сталине. Культ выжил, но при Брежневе уже было ясно, что идол внутри пустой. Культ вождя противоречит коммунистической доктрине, и троцкистские блюстители чистоты учения возмущенно отвергали его. Но реальная действительность обнаруживает себя в системе, основанной на нереальной сверхдействительности: человеку удобнее поклоняться себе подобному, нежели абстрактному, очевидно ложному учению.

Итак, лишь постольку, поскольку коммунистическая и нацистская власть воплощалась в реальных личностях, остатки политики сохранялись внутри партии, единственной выжившей реальной организации. Политика сводилась к тому, что воображал Монтескье, описывая оттоманский или персидский двор, – к смеси ненависти и интриг между лицами и кланами на временное объединение в погоне за личной властью, причем этот сговор мог быть, а мог и не быть обоснован изменением партийной линии в рамках одной и той же общей политики. Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Сталин ставили одну и ту же цель – социализм; но надо было, чтобы кто-то один был верховным вождем. И в этой банке с пауками не прекращались предательства и убийства.

Утопия

Неутомимая, хитроумная, иногда лихорадочная деятельность руководящего центра не может расцениваться как политика, потому что подчинена осуществлению утопии.

Оба рассматриваемых строя ссылаются на мифическое прошлое, опираясь на которое они моделируют воображаемое будущее. Некогда были времена арийцев, которые были лучше всех по своей природе, – завтра арийцы вновь воцарятся и во главе встанут самые чистые. Коммунизм не столько стремится к реставрации прошлого – первобытнообщинного строя, сколько к его воспроизведению «на высшем уровне». Следовательно, огромное место в нем занимает старое понятие прогресса, унаследованное от эпохи Просвещения и драматизированное романтиками. Идея Маркса, но удачному выражению Раймона Аrona, – движение от Руссо к Руссо через Сен-Симона, т. е. через технический и промышленный прогресс. Гитлеризм характеризуется волюнтаризмом: это демиургическое творчество воли, которая только и может восстановить благие джунгли в их биологическом равновесии. Ленинизм рассчитывает на ход истории, чтобы породить современную Аркадию (с электричеством и изобилием), Aufhebung [по Гегелю, «снятие», преобразование]. – Здесь и далее в квадратных скобках прим. пер.] первобытной Аркадии. По ходу истории управляет партия – родовспомогательный инструмент. Волюнтаризм и здесь необходим, но его одновременно восхваляют и отвергают; потому что партия воплощает всего лишь осознанную необходимость, которую приравнивают (причем Ленин ссылается на Спинозу!) к свободе.

Между этим сказочным прошлым и идеальным будущим настоящее не имеет своей собственной ценности. Искусство политики, которое состоит в том, чтобы обустроить настоящее, заботливо управляя наследием прошлого, драгоценным и жизнеспособным, и руководствуясь краткосрочными прогнозами, – такое искусство не имеет никакого смысла ни для нацистского, ни для коммунистического руководства. Недавнее прошлое враждебно, настоящее – не идет в счет, все подчинено эсхатологическому будущему, конечным целям.

Безграничные цели нацизма

Следует задуматься над тем, имело ли поле деятельности и экспансии нацизма естественные пределы или было безграничным по природе. Политика умиротворения, проводившаяся Чемберленом, и в известной мере политика раздела, которой следовал Сталин в 1940 году, строились на предположении, что Гитлер может удовольствоваться тем, что получил. Не перечеркнул ли он Версальский договор, не захватил ли достаточно «восточных земель», чтобы ему хватило занять на несколько лет? Он реорганизовал Германию, ликвидировал недееспособных, евреев, недочеловеков, и все-таки ему надо было идти дальше. Чтобы завоевать Польшу, он пошел на риск войны на Западе. Затем он пошел на риск мировой войны. Вероятно, он не видел, куда заводят его планы, но он принимал их последствия, словно движимый высшим роком, и неустанно возобновлял игру. Единственным партнером, с которым он мог бы достичь прочного раздела мира, был Сталин, который, наделяя Гитлера рассудительностью, аналогичной своей собственной, и сознавая естественную связь двух режимов, имел все основания гордиться заключенным союзом. Но Гитлер его предал, и Сталин так никогда и не понял, почему. Затем с непонятным легкомыслием Гитлер объявил войну США. С этого момента он играл партию, которая несла ему либо победу и мировую империю, либо поражение и полный крах Германии.

В этой войне нацизм открывал свое призвание, состоявшее в том, чтобы слой за слоем истребить все человечество. Чем больше мир ему сопротивлялся, тем очевиднее становилось противостояние арийца и еврея. Еврей выглядел

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org показателем сопротивления осуществлению великого плана. Он заводил шашни с большевизмом, который становился «иудео-большевизмом», с капитализмом, становившимся «иудео-капитализмом». Следовательно, еврей растянул весь мир, все загрязнил, все «объевреил». Все человечество в целом нуждалось в очищении, а значит, в истреблении. Последние усилия Гитлера, как это показал Себастьян Хаффнер (Sebastien Haffner. Un certain Adolf Hitler. Paris, Grasset, 1979, p.242), были направлены на такое управление неизбежным поражением, чтобы оно привело к полному разрушению Германии. Так, наступление в Арденахах, по истолкованию Хаффнера, имело целью задержать наступление американцев, чтобы страна попала в советские руки. «Приказы о войне на уничтожение, отданные Гитлером 18 и 19 марта 1945 г., не были направлены на героический последний бой, как это было еще осенью 1944 года. Ради таких боев совершенно не имело смысла ни посыпать тысячи немцев на смерть, в глубину страны, ни приказывать систематически разрушать все, что могло послужить самому скромному выживанию. Этот последний гитлеровский геноцид имел единственную цель – покарать немцев за их отказ добровольно пойти на героический последний бой, за отказ играть предназначенную им Гитлером роль. В глазах Гитлера это было преступлением, за которое полагалась смертная казнь. Народ, который не исполнял предназначенную ему роль, должен был умереть».

Однако нацистская структура командования, где все решает вождь, придает истории нацизма непредсказуемую поступь. Теоретически можно себе представить, что Гитлер мог договориться с Англией в 1939 г., удовлетворившись тем, что уступил ей Сталин. Но этого не произошло – он отказался строить нацизм «в одной отдельно взятой стране». Точно так же нацистская партия и эсэсовская империя не нуждались в том, чтобы подменять собою обычные центры инициативы немецкой промышленности, и без того послушные и дисциплинированные. Тем не менее они захватили командные рычаги, что внесло в работу Рейха на войну крайне вредную бесхозяйственность советского образца.

Переустройство мира могло производиться последовательными этапами, а сопровождающие его разрушения и уничтожения – следовать друг за другом в определенном порядке. Нацисты действительно использовали «тактику саламии» (по выражению, приписываемому Ракоши), поскольку каждая раса, поначалу «уцелевшая», видела затем, что подходит ее очередь. Но очень быстро это движение обернулось всеобщей бойней. Нацисты не могли, как это сделал бы на их месте Сталин, пообещать Украине независимость, рассчитывая разобраться с ней после победы, – нет; им надо было предпринять немедленное истребление, что настроило украинцев против них. Причина этого «все разом», будущего краха, по-видимому, лежит в эстетизме доктрины. Гитлер с талом себя художником, а значит, человеком с печатью романтической эстетики гения. Гений, – писал Кант, – не может описать или научно показать, как он создает свое произведение (...), и поэтому автор произведения, которым он обязан своему гению, сам не знает; каким образом у него осуществляются идеи для этого, и не в его власти произвольно или по плану придумать их и сообщить их другим в таких предписаниях, которые сделали бы и других способными создавать подобные же произведения» (Кант. Критика способности суждения, § 46. [Цит. по: Иммануил Кант. Сочинения. В 6 т. М., 1966. Т.5, с.323–324]). В силу этого Гитлер толком не знал, что он делает и откуда являются ему вдохновение и решения. Он видел себя прометеевским демиургом, и это опьянение частично сообщалось его народу. Он верил, что он – гениальный двигатель *Volksgeist'a* [народного духа] и что его приказы, поначалу осмотрительные, а затем безумные, даны свыше. Отсюда – то нетерпение и спешка, которых Сталин не мог понять. Отсюда же – иррациональность ведения войны. Несколько решений, предложенных им отличными генералами, могли бы позволить если не выиграть войну, то хотя бы остановить её на ничьей – при условии, опять-таки отсутствовавшем, что война преследует ограниченные цели. Вместо этого по вине Гитлера и им неистовою вагнерианства война была проиграна.

Безграничные цели коммунизма

Коммунистический проект исходно тотален. Он устремлен в своем развитии к мировой революции, а в содержании – к радикальному преобразованию общества, культуры и самого человеческого существа. Но ради достижения этих чуждых разуму целей он разрешает использовать рациональные средства. Ленин во время войны был химерическим мечтателем, прикладывавшим к миру абстрактные понятия капитализма, империализма, оппортунизма и многих других «измов», которые, с его точки зрения, объясняли все. Он применял их как к Швейцарии,

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org так и к Германии и России. Но когда он вернулся в Россию, ет захват власти оказался в высшей степени строю «политическим» – в макиавеллиевском смысле слова.

Взятие власти коммунистической партией готовится путем чисто политической борьбы внутри нормальною политическою общества. Здесь партия упражняется в различных видах тактики, которые приведет в действие после своей победы. Например, «тактика салами» состоит в том, чтобы заключать союзы с некоммунистическими силами, заставляя союзника участвовать в ликвидации противников: сначала «крайне правых» при помощи всех левых; затем – умеренно крыла этих же левых, и так далее, вплоть до последнею «обрезка», которому остается лишь подчиниться и «объединиться», чтобы не быть ликвидированным в свою очередь. Этот профессионализм, включающий хитрость, терпение, рациональность в отношении поставленной цели, составляет превосходство ленинизма. Но речь идет только о разрушении – созидание невозможно, так как поставленная цель абсурдна.

Став своею рода диктатором, но не умея этого осознать, Ленин продолжал прилагать к самым зыбким обстоятельствам свои призрачные категории и принимал вытекающие из этого решения. Коммунистическая практика идет не за эстетическим вдохновением – она ежеминутно исходит из «научною» обсуждения. Лженаука заимствует у настоящей науки видимую наглядность и силлогизмы. Благодаря ей дело становится лишь еще более безумным, решения – еще более безжалостными, а поправки – еще более трудными, так как лженаука, не являясь эмпирической, не позволяет констатировать результаты опыта.

Мало-помалу разрушение распространяется и становится тотальным, приравниваясь, если использовать формулировку Бакунина, к творческой воле. В России оно прошло следующие этапы:

сначала уничтожение политического противника – правительственные и административные органы. Это было сделано во мгновение ока сразу после октябрьского переворота;

затем разрушение реальных или потенциальных очагов общественного сопротивления: партий, армии, профсоюзов, кооперации, университета, школы, академии, книгоиздательства, прессы.

Однако тут партия обнаруживает, что социализма как свободного и саморегулирующегося общества по-прежнему не существует и что для его наступления как никогда требуется принуждение. Между тем, согласно учению, существуют лишь две реальности: социализм и капитализм. Значит, реальность сливаются с капитализмом, и на третьем этапе следует разрушить все, что реально: деревню, семью, остатки буржуазного образования, русский язык. Надо охватить контролем каждого отдельного человека, ставшего одиноким и безоружным после разрушения форм его жизни, навязать ему новый образ жизни, где он будет перевоспитан и выработает новые условные рефлексы. И наконец – ликвидировать скрытых врагов.

Неудача построения социализма внутри страны имеет причиной враждебное внешнее окружение. Оно представляет собой опасность самим своим существованием, какова бы ни была окраска этого враждебного спектра: буржуазная демократия, социал-демократия, фашизм. Значит, надо – на четвертом этапе – создать в каждой стране организации большевистского типа, коммунистические партии и центральный орган, Коминтерн, чтобы координировать их деятельность и обеспечить их соответствие модели, спущенной из центра. Когда по удачному стечению обстоятельств коммунизм получает возможность распространяться, новые зоны, присоединенные к «социалистическому лагерю», проходят аналогичные этапы разрушения.

И тем не менее на всем пространстве социалистического лагеря партия (голосом Сталина) констатирует, что капитализм силен как никогда. Он проникает в саму партию, распространяется в ней, и партия теряет свою праведность. Следовательно, вождю партии, и только ему одному, предстоит разрушить партию (пятый этап), чтобы совершенно заново создать из нее другую. Эта опасная операция требует нарастания культа вождя, который уподобляется нацистскому фюреру. Единожды сосредоточив в своем лице дух истории, как фюрер олицетворял дух «расы», он может себе позволить в своей блестательной изоляции и в «прямых» отношениях с массами ликвидировать их коллективного палача. Stalin однажды это сделал, не без оглядки на Гитлера и его «ночь длинных ножей». Он готовился проделать это второй раз (а заодно

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org и отправить в ссылку всех евреев), когда его постигла смерть. Мао Цзэдун сделал это дважды: в момент «Большого скачка», а затем еще решительнее – во время «культурной революции»

Износ и саморазрушение

Доведенная до предела, чистая логика обеих систем подразумевает истребление всего населения Земли. Однако эта логика не применяется и не может применяться до победного конца.

Принцип коммунизма – все подчинить захвату и сохранению власти, потому что именно на власть ложится задача осуществления проекта. Чтобы сохранить власть, приходится щадить то, что необходимо для ее выживания.

Случается, разрушения наносят такой ущерб, что власть партии оказывается перед опасностью – нет, не всенародного восстания, его она умеет предупредить, но исчезновения человеческой материи, над которой она упражняется. Именно это наступало в конце «военного коммунизма»: Россия таяла, пропадала, и тогда Ленин предписал передышку нэпа.

Пока революция не победила в мировом масштабе, внешний мир, будь он даже сведен до крохотного островка, остается смертельной угрозой. Мыльный пузырь социалистического вымысла рискует лопнуть от одного факта его существования; и неважно, действительно ли он враждебен, как в целом был враждебен одно время под властью Гитлера, или же желает лишь покоя и статус-кво, как желал этого.

Запад после победы над нацизмом. Чтобы держать реальный мир на расстоянии, а в случае надобности и уничтожить, в распоряжении партии должна быть реальная сила, а извлечь ее можно только из контролируемой партией реальности. Партия нуждается в минимуме реальной экономики, чтобы прокормить население, в минимуме технологий и промышленности, чтобы оснастить армию. Таким образом, выживают производители, техники, ученые. Партия не может отравить в «зазеркалье» все, что существует, так как сама тогда будет захвачена потоком произведенного ею небытия.

Наконец, последний этап – разрушение самой партии – сталкивается с инстинктом самосохранения. После великих чисток Сталина и Мао Цзэдуна партия устанавливает для себя гарантии и охранительные меры. Коммунисты больше не убивают коммунистов – жертвы лишь попадают в немилость.

В России именно с этого начался упадок системы. Партия стареет, потому что сохранение власти в конце концов отождествляется с сохранением постов и должностей. Тактика, выработанная в драматические времена, служит теперь только этому. На вершине власти медленно гниет Брежnev. Партия разлагается: она уже не предана безраздельно целям коммунизма, а хочет наслаждаться властью и богатством. Она выходит из ирреальности и возвращается в реальность, разоренную ее заботами, где можно найти в изобилии только примитивные безыскусные блага: водку, дачи и лимузины. Что касается народа, то он ютится в той доле реальности, которая ему всегда выделялась, обустраивает ее как может, теряет всякий интерес к строю, который уже не предлагает ему ни утешительного зрелища падения власти имущих, ни случая занять их место. Всеобщая деградация достигает вершин. Когда случайный щелчок обрушивает карточный домик, который мог бы обрушиться намного позже или намного раньше, перед нами открывается пост-коммунистический пейзаж: мафиози и полунищие, у которых больше нет энергии даже на воспоминания.

В Китае те, кто выжил в маоистских чистках, пошли другим путем. К нуждам чистой власти была подмешана задача развивать могущество КНР как таковое, и в мертвый коммунизм просочился живой национализм. Современники советского упадка, они пожалели о том, что подражали дурному образцу развития, в то время как другие части китайского и окологитайского мира с успехом следовали лучшему образцу Отсюда вытекает двусмысленный характер сегодняшней КНР: она находится в бурном развитии, но в то же время партия не ослабляет свою власть, и никто не знает, осталась ли эта партия коммунистической. По воле обстоятельств, сейчас остается один-единственный чисто коммунистический страной, который до сего дня продолжает отдавать предпочтение логике самоуничтожения, – Северная Корея.

* * *

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
Мы не знаем, как эволюционировал бы нацизм. Он не достиг своего зенита и был свергнут на первых шагах своей экспансии. Разрушение политики при нацизме шло в ином порядке, нежели при советском коммунизме. Нацизм обратился к внешней реальности раньше, чем покончил с германским обществом. В то время как СССР предпочитал организованную подрывную работу, запланированный подрыв духа «внешнего» врага, а Красная Армия являлась лишь для того, чтобы утвердить политическую победу, нацизм немедленно прибег к войне. Война невероятно ускорила осуществление нацистских планов, но одновременно вызвала быстрое победоносное сопротивление во всем мире.

Компонент непредсказуемости, содержащийся в нацизме, позволяет предположить, что Гитлер мог, например, пойти на компромисс и заключить мир, сохранив за собой обширную и надежную территорию. В таком случае после смерти фюрера гитлеровский строй пережил бы износ примерно по тем же направлениям, что и ленинский. Лешек Колаковский написал на эту тему фельетон – пародию на статью из «Нью-Йорк таймс» начала 80-х, в стиле, каким эта газета в то время писала о брежневском Советском Союзе. Воображаемый автор статьи приветствует смягчение политических нравов и повсеместное наличие зримых успехов национал-социализма с человеческим лицом. Конечно, пишет он, ужасы прошлого достойны сожаления, в частности жестокая судьба евреев, Но это уже принадлежит глубокому прошлому и не должно помешать нам видеть блестящие достижения, которые следует отнести на счет строя, движущегося к нормализации...

Значение внешних факторов при износе и крахе тоталитарных режимов может быть разным. В случае нацистской Германии оно было решающим: Германия была сокрушена армиями союзников. Зато «капиталистический» мир очень редко представляет опасность для коммунистического строя. Нацизм повысил легитимность коммунизма в глазах Запада. В эпоху «холодной войны» политика roll back [возвращения к прежнему т. е. к довоенным отношениям] очень быстро уступила место политике containment [сдерживания]. Этот поворот не помешал широчайшей коммунистической экспансии в Азии, Африке и даже в Америке. В конечном счете, единственной точкой земли, где коммунизм был свергнут так же, как был свергнут нацизм, т. е. массированной высадкой вооруженных сил – происходившей, правда, под хор протестов нескольких некоммунистических держав, – стал крохотный остров Гренада.

Глава четвертая БОГОСЛОВИЕ

В нашем исследовании пришло время оставить исторический анализ и дать слово человеческому опыту. Чрезмерность беззакония потрясла сердце человека и пошатнула его разум: люди ощутили, что исторических прецедентов этому нет и перед ними новый, неведомый зверь. Вопль большинства великих свидетелей XX века обращен к небесам. Одни считали, что небеса пусты, другие – что к небесам можно взвывать, умолять, полагаться на них. Честно говоря, когда читаешь Орвелла, Платонова, Ахматову, Мандельштама, Леви, угадываешь, что оба ответа на метафизический вызов подспудно сосуществовали или попеременно чередовались в одних и тех же душах.

Зло

Плотин определял зло как «лишение блага». Схоласти уточнили: надлежащего блага. Например, слепота – зло, потому что человеку надлежит обладать зрением. Если он, обладая острым зрением, не видит невидимое, ему не на что жаловаться: зрениедается не для того, чтобы видеть за пределами ограниченного поля. Идея состоит в том, что зло определяется через отрицание. Это чистое небытие: дыра в бытии. Мне кажется, это определение не дает достаточного представления об ужасе, который охватил людей перед тем, что принесли им коммунизм и нацизм.

Причиной этого ужаса было не столько само зло, сколько порождающая его воля к злу. Человеку свойственно стремиться к счастью, и его воля обычно обращена на то, что он считает себе благом. Нетрудно понять это: уже древнейшие философы объяснили, что по ограниченности воображения человек легко заблуждается в отношении своего блага и совершает дурные поступки, не понимая, во что они ему обойдутся. Разумеется, вор обогащается, прелюбодея наслаждается, убийца дает выход своему гневу, лжец выпутывается из неприятной ситуации, но за все это приходится платить. Мы сталкиваемся с иной категорией поступков, за которыми не следует никакое вообразимое для простого человека удовольствие, поступков, которые выглядят нечеловечески «бескорыстными». Тех, кто их совершает, как будто влечет чистое желание

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org «преступить» Эти люди наводят страх, потому что их не понять, потому что они выглядят вышедшими за пределы обычной человечности. Нам легко понять вора, прелюбодея, убийцу, потому что в нашей душе мы находим точки совпадения с ними: нет необходимости далеко углубляться в себя, чтобы обнаружить, что мы в той или иной степени жадны, распутны, агрессивны. Но перед второй категорией поступков мы растеряны, как растерялись бы перед чудом – перед чудом наизнанку, негативным исключением из известных законов природы. Человек желает себе блага, но здесь никакое благо не представимо. Вот почему тех, кто пережил коммунизм или нацизм либо хотя бы изучал их достаточно внимательно, постоянно преследует вопрос: почему? Почему надо отвлекаться от ведения войны, тратить деньги, перегружать пути сообщения, мобилизовывать людей – и все ради того, чтобы разыскать прячущуюся на чердаке еврейскую девочку и отправить ее на смерть? Почему, когда нет никакой организованной оппозиции, когда все послушно повинуются, надо проводить миллионы арестов, мобилизовать репрессивный и судейский аппарат и принуждать арестованных признаваться в невообразимых, откровенно нелепых преступлениях, а после того, как они признались, собирать народ, чтобы заставить его разыгрывать комедию возмущения и соучаствовать в смертных приговорах? Почему накануне запланированной войны надо расстреливать половину высшего комсостава?

Но особенно непонятным выглядит тот факт, что эти бессмысленные массовые преступления совершали заурядные люди, даже исключительно заурядные, как по уму, так и по нравственности. В огромной толпе исполнителей можно было встретить извращенцев, садистов, которым причиняемые ими страдания доставляли удовольствие. Но это были исключения. Конечно, люди, извращенные от природы, процветали, их использовали для особых заданий, но лишь до определенных пределов, а затем их отставляли в сторону, а иногда ради поддержания дисциплины и наказывали. Жертвы в своем желании понять уже не могли прибегать к объяснению злодейством и подлостью, на которые способен человек и которые часто носит в себе. Приходилось обращаться выше, к «системе» Но рациональность системы, даже бредовая, опровергалась этими саморазрушительными действиями, шедшими против интересов общего замысла.

Вот почему личные преступные свойства некоторых вождей, в первую очередь Сталина, возвращая им долю человечности, засчитывались в их пользу и вызывали некоторую благодарность: эта личная преступность становилась объяснением и восстанавливала целостность мира. Ибо из истории мы знаем многочисленные примеры преступных тиранов, а значит, прецеденты были, и нет ничего нового под небесами: так смягчался страх перед неизвестным. Однако наиболее проницательные понимали, что этот якобы тиран – вовсе не тиран, так как он действует не ради своею личного блага. Он сам во власти иной тирании, стоящей выше ю. Приходилось сделать вывод, что преступление связано с безумием. Но это было не обычное безумие, какое видывали у сумасшедших тиранов, потому что безумие сохраняет долю случайности и щадит зоны ума, где могут найти место отдых и игра. Так румынам случалось испытывать облегчение благодаря буффонадам четы Чаушеску. Но в худшие минуты идеологическое безумие сбивалось в плотный комок, без малейшей лазейки, через которую от него можно было бы ускользнуть, и все шло к худшему.

Бес и личность

И вот мыслящие люди, даже не слишком религиозные, совершенно непреднамеренно склонялись к тому, чтобы поглядеть выше внятного человеческого порядка вещей и увидеть высшую силу иною рода. Не только груз несправедливости и близость зла, по и невозможность соотнести их с чем бы то ни было известным заставляла этих людей вопрошать небеса. Они приходили к этому, потому что оба строя исповедовали активную ненависть ко всякой религии, которая чтит божественный порядок, отличающийся от порядка, установленного людьми. Нацизм ненавидел Бога Авраама; коммунизм – какое бы то ни было божество, но Этю Бога – в особенности. Религиозное устройство завоевываемых стран повсюду подвергалось немедленным потрясениям. Бывало, что его полностью уничтожали (Албания провозгласила себя первым в мире атеистическим государством), чаще же – порабощали и извращали. Христиане и иудеи, мусульмане, буддисты, конфуцианцы и даосисты – все подвергались гонениям как таковые, и гонения были не временными, а постоянными. В них не было никакой политической пользы, скорее масса неудобств, гем не менее они продолжались до последнего дня.

Вот так многие мученики этих режимов усмотрели в них действие

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org сверхъестественною порядка, мира «духов», способною осуществлять власть напрямую. Власть, которая действует не посредством злой воли людей, а движет ими без их ведома, так что они не знают или лишь подозревают, что делают. Власть, которая усыпят здравый смысл и совесть, как но волшебству превратит человека в легко управляемую марионетку. В этом интуитивном представлении верховный тиран – не Ленин, не Гитлер, не Мао Цзэдун, а лично князь мира сего.

«Лично» – это слово двусмысленно. Боэций дал определение личности, служившее много веков: «индивидуальная субстанция, имеющая разумную природу» Следя этой богословской традиции, можно прийти к тому, что, теряя связь с Творцом и своим предназначением, сотворенная субстанция становится жертвой противоречий, которые уродуют и разлагают ее. Поскольку мы ничего толком не знаем о мире духов, то можно лишь предположить, что субстанция злого духа в силу его более высокого чина пожирается собственной злой волей сильнее, чем субстанция человека. Производимый им уход в небытие сначала исполняется в нем самом, и от его субстанции (у нас, людей, понятие субстанции вызывает мысль о положительной, нерушимой, поврежденной, но не уничтоженной грехом природе) постепенно остается чистая воля к злу. В силу присущей ему высшей способности творить зло то, что сохранилось в нем от естественного злодея, т. е. личность, асимптотически устремляется к обезличиванию. Личность падшего ангела, по-видимому, способна вынести максимум безличности.

Это, разумеется, лишь рассуждения, но они отдают должное понятию безличной личности, которое постоянно встречается в произведениях очевидцев, задыхающихся от плоскости, убожества, банальности тех, кто причинял им страдания и смерть, и от безличия всей иерархии власти вплоть до ее вершины. Их изумляет контраст между невероятной разрушительной мощью этого механизма, нечеловечески изобретательного и способного контролировать малейшие детали, и невероятной его беспомощностью организовать, построить или просто оставить в покое все, что элементарно необходимо для жизни и даже ею собственного выживания.

Кто обладает властью при чистом коммунистическом или нацистском строе? На этот простой вопрос, казалось бы, ответить легче, нежели на подобный вопрос о любом другом строе, ибо обладатель всех видов власти – фюрер, генсек, партия – повсюду злим, даже навязчиво злим, и тем не менее это остается глубочайшей загадкой для тех, кто способен к философскому размышлению, для таких, как Юнгер, Платонов, Орвелл, Милош, Зиновьев... Они подспудно намекнули на то, о чем души религиозные (Мандельштам, Ахматова, Булгаков, Раушнинг, Херберт, Солженицын) говорили громко: это дьявол! Дьявол сообщил своим подручным свою нечеловеческую безличность. Достоевский и Владимир Соловьев интуитивно это предсказывали. Не упомянуть об этой фигуре значило бы не прислушаться ко всем этим свидетельствам. При этом следует сохранять известную сдержанность, положенную в отношении того таинственного центра, который они так называли и близость которого знали по опыту и очевидно.

Спасение

Ничто так не знаменует библейский отпечаток на коммунизме и нацизме, как их общее стремление спасти мир, причем в состав средств спасения включается и слаживание всякого библейского отпечатка. В «языческих» религиях естественный порядок содержит божественную идею и достаточен для ее выражения. Он соответствует божественному порядку. Достаточно созерцать его, познавать, подражать ему. Античная философия (а также, насколько я знаю, индийская и китайская) не обещала всеобщего спасения – она обещала спасение лишь малому числу избранных, занимавшихся длительными и трудными духовными упражнениями, в результате которых люди становились способными жить счастливо, в согласии с природой, с ее вечным устройством. Идея спасения как идея «исхода» из мира или же «преобразования» мира в целом глубоко чужда этому типу философии.

Марксистско-Марксистское-ленинское спасение – спасение оптимистическое. Оно сравнимо со спасением, провозглашенным в библейских пророчествах. Цель его – превзойти природу как таковую, человека как такового, достичь мессианского царства мира и справедливости, где волк пасется вместе с ягненком, где отменены правила и разочарования брака, семьи, собственности, права и нехватки материальных благ. Где смерть побеждена в самом окончательном смысле: в начале большевистской революции были подобные мечтания, питавшиеся химерическими трудами Николая Федорова, который

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org возвещал научное воскресение плоти и бессмертие. «Новый человек», продукт социализма, – своего рода плоть во славе, такая, как ее провидят пророчества. Спасение это вверено рукам человека и достигается политическими средствами. *Non Domino sed nobis* [не Богом, но нами].

Сегодня лишь меньшинство человечества верит в существование заповедей Божиих. И если оно еще в это верит – как верили многие христиане и иудеи, ставшие затем коммунистами, – то ему следовало бы с первого взгляда заметить противоречие между прогрессом, управление которым берет на себя человек, и библейским учением. Концепция прогресса, понимаемого как глубочайшее преобразование человеческого существа под воздействием истории или политико-исторической воли, не может быть принята, ибо она подчиняет политической деятельности преображение, которое, по Библии, есть дело Божественной благодати. Когда возможное только Богу становится целью человеческой деятельности, эта деятельность оказывается направленной на осуществление невозможного. Агрессивное наступление на природу терпит поражение и быстро превращается в разрушение природы, а вместе с ней и человека. Пелагий думал, что человек в известной мере может спастись сам – силой воли и аскезой. Блаженный Августин считал, что пелагианец подавляет себя, не становясь при этом лучше. Так поступал и «положительный герой» большевистской легенды. В действительности он даже становился хуже, так как пелагианец рассчитывал достичь праведности в обычном смысле слова, а положительной герой – праведности в идеологическом смысле, т. е. порочности. Более того, древнее пелагианство, по образцу древней философии, ставило целью лишь индивидуальное совершение. Новое – коллективизировано. Передача пелагианской идеи в руки политической власти более разрушительна, так как в этом случае другой человек, все другие люди должны исправляться воспитанием, а в случае необходимости – перевоспитанием в зоне, окруженной колючей проволокой.

Папистское спасение – пессимистическое. Оно требует преодолеть иллюзии, внесенные в человечество библейской и особенно евангельской отравой, плодом «озлобленности». Речь идет о том, чтобы вернуться к природному порядку, понимаемому в мрачном свете романтического трагизма: обрести изначальную чистоту почвы и крови, которую растили общество торгашей и техников и расовое смешение, приводящее к вырождению. Призыв нацизма обращен к героям, готовым умереть, к тем, кто отказался от иллюзии истины и справедливости и готов до конца следовать воле расы, Volk'a, воплощенной вожде. Сверхчеловек – это бесстрастный, верный рыцарь, всегда остающийся благородным и прекрасным, будь он победителем или побежденным. Мы насмотрелись на то, как этот идеал рождал батальоны безмозглых эсэсовцев, иерархию хулиганья с безумцем во главе, войну на полное уничтожение.

Две противостоящие доктрины разделяют одну и ту же идею коллективного спасения, наступающего в истории, библейскую идею, противостоящую внеисторичности античной, индийской, китайской философий. В эту схему обе доктрины натолкали груду обрывочных понятий из естественных и исторических наук, превращая громаду знаний, накопленную XIX веком, в сверхъестественно скучный умственный автоматизм. На самом деле то, что эти две нелепые системы XX века могут представляться продуктом науки XIX, несовместимо с природой человеческого интеллекта. Не поддается объяснению факт, что такое множество людей с нормальным, то и превосходным умом: титулованные профессора, ученые, мыслители стали жертвой такого паралича и такого извращения здравого смысла. Здесь психиатрические объяснения столь же метафоричны, как примененный к самому нацизму образ гаммельнского крысолова. Но если уж припомнить эту легенду, то мы недалеки и от того, чтобы прямо назвать того, кто стоит за спиной крысолова, – того, кто, по словам Писания, «лжец и отец лжи», «человекоубийца от начала»

Нацистское «библейство»

Утверждают, что Гобино и Ницше, на которых иногда ссылались нацисты, не были антисемитами. И верно, они постоянно восхищались евреями, ибо евреи – «высшая раса», «аристократия» (Гобино); ибо они не растворяются в массе «последних людей», порожденных демократией, и вдобавок антисемитизм – демократическая вульгарность (Ницше). Незачем глубоко копать, чтобы под поверхностными восторгами обнаружить зависть и ревность. В германском национализме преклонение переднацией и народом заимствует провиденциальную форму избранности еврейского народа. Но здесь избранность – продукт истории и природы, она ничем не обязана Провидению и позволяет немцам получить всечеловеческое наследие от народов-предков. Русский национализм

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
удовольствовался тем, что перенес на славян и на русский народ то, что было
обещано германцам и немцам.

Поскольку избранность обеспечивают природа и почва, то естественно считать еврейский народ живым отрицанием природы и почвы. Это подчеркивал ранний Гегель: «Первый поступок, которым Авраам становится отцом нации, – это раскол, рвущий связи общей жизни и любви, все в целом связи отношений, в которых он до сих пор жил с людьми и природой. (...) Авраам был чужаком на земле (...). Весь мир, его абсолютная противоположность, удерживался в существовании Богом, который оставался ему чужим, Богом, ни один элемент которого не должен был участвовать в природе (...). Только благодаря Богу он вступал в отношения с миром (...). Ему было невозможно любить что бы то ни было. (...) В ревнивом Боге Авраама и его потомков было ошеломляющее требование: чтобы он и его народ были единственными, кто имеет Бога» (Г.В.Гегель. Дух христианства. [Здесь и далее цит. по:...]).

Отношение к Богу отрезает евреев от человечества. Они не могут принадлежать ни к какой общине, так как сакральное этой общины, например элевсинское, им вечно чуждо, «они его не видят и не чувствуют. Не участвуют они и в эпическом героизме. «В Египте евреи совершили великие дела, но сами они не предпринимают героических действий; из-за них Египет подвергся всяческим несчастьям и бедствиям, и посреди всеобщих плачей они уходят, изгнанные несчастными египтянами, но испытывают лишь злорадство труса, враг которого повергнут без его вмешательства» И последнее деяние евреев в Египте – «воровство».

Гегель считает нестерпимыми претензии евреев на избранность и столь же нестерпимой – признаваемую ими абсолютную зависимость от Бога, Которого он, Гегель, считает чуждым человеку, враждебным его благородству и свободе (по крайней мере, так он считал в молодости – позднее его взгляды изменились). Ум Авраама, содержащий идею этого Бога, делает еврея «единственным любимцем», и в этом убеждении корениится его «презрение ко всему миру» Провозгласив себя рабами Божиими, евреи не могут обрести достоинства свободного человека: «Греки должны были быть равны, потому что все были свободны; евреи – потому что все неспособны на независимость» Вот почему Гегель, откровенно маркионитствуя, считает Бога христиан фундаментально отличным от еврейского Бога: «Иисус побивал не какую-то часть европейской судьбы, потому что не был связан ни с какой другой ее частью, – он противостоял ей в целом».

Гегель переводит на язык великой философии сознательные и бессознательные чувства, возникающие в языческой душе при ее столкновении со сверхъестественной тайной Израиля, которую она действительно ощущает как чуждую, враждебную всей природе; подобные чувства встречаются и в крещеных душах. Эти неясные аффекты лучше всего концептуализировала именно германская мысль. Гарнак, великий богословский авторитет вильгельмовской Германии и европейского либерального протестантства, прочел в Берлинском университете, перед всеми его студентами, курс лекций «Сущность христианства» Эта сущность у него развивается в четыре великих эпохи: еврейскую, греческую, латинскую и, наконец, германскую, наиболее чистое ее исполнение (Adolphe Liarnack. VEssence du Christianisme. Paris, Libr. Fischbacher, 1907). Он написал книгу в честь Маркиона, которого, не колеблясь, поставил наравне с Мартином Лютером, основателем «германского христианства». Русские, со своей стороны, произвели обильную литературу о русском христианстве, русском Христе или даже о России-Христе. Во Франции Леон Блуа и Шарль Пеги отстаивали первенство своей страны перед Богом. Здесь, однако, антисемитской тематикой дирижировали не великие мыслители, а посредственности.

Драма наступила, когда эта тематика снизошла в низкие и безумные души нацистских вождей. Вот Гитлер карикатурно подражает Гегелю перед Раушнинштейном: «Еврей – создание другого Бога. Нужно, чтобы он происходил от другой человеческой ветви. Я противопоставляю арийца и еврея, и, если я даю одному имя человека, я обязан дать другому иное имя. Они так же далеки друг от друга, как животные виды от рода человеческого. Это не значит, что я называю еврея животным. Он гораздо дальше от животных, чем мы, арийцы. Это существо, чуждое естественному порядку, существо вне природы» (Herrmann Rauschning. Hitler m'a dit. Paris, «Cooperation», 1939, p.269).

Раугининг приводит еще такие высказывания: «Не может быть двух избранных народов. Мы народ Божий». Это чистая риторика, потому что Гитлер был

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org законченным атеистом по отношению к Богу еврейскому и христианскому. Но она показывает, как бредовый антисемитизм Гитлера отпиваются в библейскую форму некой *perversae imitationis* [извращенного подражания] еврейской Священной истории. Арийский избранный народ, германская избранная раса очищает немецкую землю, как Израиль очистил землю Ханаанскую. Это первый этап истории спасения. Второй – ликвидация жидовствующего христианства, которое довело до полноты еврейскую трусость и демократическое вырождение. Третий – триумф великолупных, которые в крайнем случае смогут опираться на германизированное христианство, но лучше – на старых богов дохристианского естественного пантеона. Ницше и Вагнер, пройдя через пресс нацистской идеологии, изувеченные, одичавшие, отуплённые, могут быть предложены в покровители новой культуры.

Коммунистическое «библейство»

Если нацизм предлагает подделку Ветхого завета, то коммунизм – и Ветхого, и Нового. Извращенное подражание иудейству и христианству, которое составляет его «прелесть», – настолько признанный факт, что его можно охарактеризовать коротко.

Эта идеология предлагает посредника и искупителя. «Пролетариат», «эксплуатируемый», тот, кто ничего не имеет, откроет миру врага освобождения. Среди других классов он то, что Израиль среди народов, то, что «остаток Израиля» – в Израиле. Он – «Отрок» и «Муж скорбей» Исаии, и он же – Христос. Как Израиль – плод Священной истории, «пролетариат» – плод истории, вернувшейся к природе. По всем этим разнообразным статьям коммунизм соблазнителен как для еврея, так и для христианина, который как будто узнаёт в нем благую весть, возвещаемую нищим и малым. Он всеселовечен, ибо при нем нет больше ни иудея, ли эллина, ни раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины, как обещал апостол Павел. Он отменяет национальные барьеры, что равнозначно спасению, обещанному «народам». Он приносит мир и справедливость мессианского царства. Он преодолевает строй, стоящий на выгоде, иссушает «ледяные воды эгоистического расчета». Чистая фенелоновская любовь, чистое кантовское бескорыстие расцветут в этом новом климате.

Коммунизм обещал евреям ликвидировать груз заповедей, загородок Торы, отделения от других народов; Он снимал с них бремя еврейства. Тем самым он ликвидировал и постоянные причины антисемитизма. Он представлял такую альтернативу еврейской жизни, которая не была переходом в равно презренные христианство или ислам (к тому же подобный переход не защищал их: как показала история, печать еврейства сохранялась и после обращения). Коммунизм был вступлением в новый мир, но при этом за него не надо было платить формальным отступничеством или изменой, потому что религиозная цель Торы – мир и справедливость – должна была там обеспечиваться, а община могла продолжать идеальное существование, так что имя еврея можно было носить без стыда: за ним больше не потянутся особые обязательства и ответственность, оно останется лишь печатью славного происхождения, ибо в силу угнетения евреи считались родственными «пролетариату». Наконец, переход в коммунизм – хочется сказать «исход» – мог выглядеть исполнением эманципации и секуляризации, служивших источником неудержимого энтузиазма на протяжении целого столетия.

От христиан, в свою очередь, требовалось прямо отказаться от веры в Бога. Но она уже, как перезрелый плод, готова была пасть. Под волнами штурмов, не прекращавшихся со временем Просвещения, вере было все труднее и труднее сохранять статус, обороняемый разумом. Уже со временем Лейбница ни один крупный мыслитель не ощущал над собою власти догматов и не искал истины в их углублении. Если еще были великие мыслители, исповедовавшие христианскую веру, то либо они, наподобие Канта и Гегеля, давали ей рациональное истолкование в рамках своих систем, либо, как Руссо, Киркегор, Достоевский, считали ее совершенно иррациональной. Или же намеревались вывести ее из нравственных потребностей, из практической деятельности, из благотворительности. Но она была вытеснена и из этого последнего убежища коммунистической идеей, располагавшей отличными доводами для обвинения христианства в том, что оно – опиум для народа, иллюзорное бегство от жизни, бессильное утешение перед лицом несправедливости, соучастницей которой оно было просто в силу своею существования. Значительная часть христианской мысли на протяжении целого века, от Ламенне до Толстого и далее, была тем более склонна слиться с гуманизмом, чем более он представлялся воистину христианским, одушевленным такими энтузиазмом и

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
жаром, какие уже покинули традиционную религию. Ставясь коммунистом,
человек приобретал ощущение, что наконец-то он реально осуществляет
заповедь любви к ближнему, в то время как разум ободрялся, опираясь отныне
на надежную почву науки.

Ереси

Христианская религия неустойчива от рождения. Она содержит целое гнездо трудностей, груду причин для сомнения, она нуждается в постоянных трудах, чтобы сохранить равновесие. Но кризисы, постоянно возникающие в силу исторических обстоятельств, редко не подчиняются уже известным схемам. В христианском горном хребте есть места обвалов, где лавины катили с первых веков и катят доныне. Изначальные великие ереси с новыми издержками повторяются течениями, которые считают себя новыми, и людьми, не сознающими, что выходят все на ту же тропу. Они не знают, что идут по следам еретиархов, чьи имена им неведомы, не знают они и о своей доктринальной близости к ним.

Еретические пути, интересующие нас в данном случае, – это самые древние христианские ереси: гностицизм, маркионизм и милленализм.

Гностицизм, по правде говоря, – не специфически христианская ересь. Он паразитирует также на иудаизме и исламе. Он занимает такую широкую область, что я его лишь затрону. Марксизм-ленинизм, как я уже сказал, – это прежде всею исчерпывающая картина мира природы и истории, распространяющая между добром и злом, а добро и зло способны опознать и различить только посвященные, обладающие истинным знанием. Они влияют в умы людей спасительное знание и направляют мир к окончательному добру. Эта исходная структура обнаруживается в большинстве течений гностицизма, в частности в тех, что ужасали Иоанна Богослова во времена Коринфа, а св. Иринея – во времена Валентина. Го, что, начиная с Маркса, эта гностическая сердцевина объявляет своей основой позитивную науку, то, что она теряет свое мифологическое богатство, свою поэтическую окраску, впадает в ленинскую прозаическую жвачку, – не значит, что она изглажена. Верно, что многие «прогрессивные христиане» желали вернуть ей изначальную религиозную поступь и плохо понимали, почему коммунизм объявляет себя воинствующе атеистическим, в то время как они одобряют его практическую деятельность и, как они выражались, «метод анализа», т. е. всю теорию в целом. Другие кончили тем, что приняли этот атеизм, сделав своего рода «скакочок веры» в обратную сторону и принеся высочайшую жертву последовательности своих убеждений.

Маркионизм, который занимает внутри гностицизма особое место, принадлежит христианскому миру. Это ранний исторический продукт (нач. II века) окончательного разделения Церкви и Синагоги. Маркион считал, что Бог Авраама, Бог Творец и Судия, – не Тот же, что Бог Любви, Спаситель, от Которого исходит Иисус. Поэтому он исключил из корпуса Писаний Ветхий завет и тесно связанную с ним часть Нового. Тем самым христианское Откровение было отделено от Откровения, данного Моисею, и Маркион отрицал, что оно описывает исторические этапы, которые привели к пришествию Мессии. Маркионитский мессия не ищет в библейских пророчествах ни доказательств себе, ни своей родословной. Его легитимность зависит от убедительности «вести», извлеченной только из Евангелия (к тому же подчищенного), с прибавками гностической мифологии, которые и пополняют ее, и руководят ее истолкованием. Этот Христос приносит антикосмическую и диалектическую весть – иную нравственность, возвышенную, героическую, парадоксальную. Ее призвание – подменить собою общепринятую мораль, которую утвердили библейские заповеди. Так, по Маркиону, святые Ветхого завета, служители Бога Творца, заключены в ад, в то время как Бог Спаситель принимает в Своем раю содомлян и египтян, отказавшихся подчиниться закону Моисееву. Евреи в свете этой ереси становились адекватным образом ушедшего мира и устарелой этики, сотворенных другим Богом.

Всегда вместе, гностицизм и маркионизм неустанно будоражили воображение и извращали христианскую мысль. Осужденные как наихудшая ересь при своем появлении на свет, они остались постоянным соблазном, вновь возникая из века в век, но никогда с такой силой, как в нашем столетии. Они были слабым местом вероучительства, расселиной в камне веры, что позволило стольким христианам кинуться в политический гностицизм коммунизма и бешеный маркионизм нацизма.

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
Тесный союз гностицизма и маркионизма, их взаимопроникновение – еще одна
точка соприкосновения между нацизмом и коммунизмом.

В коммунистическом гностицизме схема, построенная на исторических фактах, открыто подменяет библейский смысл истории, отвергая как Бога Творца, так и Бога Спасителя: первый заменен естественной историей человечества, второй – волевой деятельностью партии. Поэтому наступление на христианскую Церковь было предпринято сразу же и за немногие годы принесло ей столько мучеников, сколько она не насчитывала со своего рождения. Но врагами в равной степени были все боги и все религии, поэтому атака пошла и на еврейскую общину, как и на саму идею общины. С конца 30-х годов первоначальный антииудаизм сменился прямым антисемитизмом. После 1945 г. было запрещено выделять евреев среди «жертв фашизма», говорить о Катастрофе и терпимо относиться к сионизму с того момента, как он утвердился в роли независимого национального движения. Коммунизм ревнив и не терпит «других богов пред лицом своим».

Нацизм сосредоточился на маркионитском варианте гностицизма. Формально и временно он одобрил «германское» христианство, не считавшее Бога Богом Авраама. Он преследовал верных христиан. Он попытался обогатить себя элементами эзотеризма и оккультизма конца прошлого века. Он желал пробудить неоязычество – поклонение древним германским богам, и эта новая подделка была оскорбительна для всего, что было в германской мифологии достойного, прекрасного и общего с Гомером. Трудно разобраться, как именно в коммунистической и нацистской системах спасения обстояло дело с ненавистью, уравнившей евреев и христиан: евреев ли ненавидели за то, что они породили христиан, или христиан – за то, что они отродье евреев? Гонения настигали сначала одних, потом других, кого бы из них ни начинали преследовать первыми.

Третья ересь – милленаризм. Он приносит те же исторические результаты, что и мессианизм. Он представляет собой чаяние радикальной перемены внутри истории. Библейский мессианизм чаял пришествия царственного мужа, способного восстановить завет мира в Израиле и народах. Ранний христианский мессианизм верил, что Христос вернется на землю, чтобы царствовать во славе тысячу лет с воскресшими праведниками. В XX веке оба мессианизма ушли в безрелигиозность. Крайние формы национализма были заражены мессианской идеей: немецкий или русский народ становились носителями надежды на окончательное искупление человеческой истории. Милленаризм – это нетерпение тех, кто чает пришествия Царства Божия на земле, и их готовность приблизить это пришествие своими руками. Он может быть понят как некие приступы пелагианства, колективизированного и политизированного. Новую историю потрясают эти кризисы героизма: чешские тaborиты, мюнстерские анабаптисты, крайнее крыло Английской революции, Саббатай Цви. Они становятся куда более кровавыми, когда, избавившись от идеи Бога, стремятся установить *regnum hominis* [царство человека]. В такие кризисы разделение евреев и христиан обычно растревивается как раз отступниками от обеих религий: от былой веры они сохраняют лишь взаимную ненависть.

Глава пятая ПАМЯТЬ

Теперь я хотел бы попытаться сопоставить, главным образом с религиозной точки зрения, то, как работает память в отношении нацизма и коммунизма. До сих пор я занимался этим лишь с политической точки зрения. Между тем, важность этих двух явлений, как я уже сказал, мобилизует религиозное сознание. Диапазон различных религиозных взглядов здесь столь же широк, сколь и диапазон взглядов политических, но эти множества не совпадают.

Я рассмотрю язычество (под которым понимаю то, что лишено или лишилось связей с библейскими корнями), иудейство и христианство. Можно сразу констатировать, что внутри каждой из этих категорий находится место различным и даже противоположным взглядам.

«Языческое» забвение коммунизма

Возьмем пример Китая. В центре философских и религиозных традиций (тесно связанных друг с другом) расположен безличный Космос, в норме и в идеале управляемый гармонией, но подверженный беспорядку или даже кратковременному возвращению в хаос. Китайская история больше, чем европейская, ознаменована крайне бурными катаклизмами, способными уничтожить половину населения. Еще в XIX веке Тайпинское восстание прямо или косвенно привело к гибели 70

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
миллионов китайцев. Эта катастрофа аналогична тому, что случилось во
времена Мао Цзэдуна. В обоих случаях харизматический вождь и партия,
доведенная до фанатизма синкретической доктриной, включающей чуждые
традициям элементы (в прошлом веке – христианские, в нашем – марксистские),
столкнули китайский порядок в бездонный хаос.

Люди соотносят эти исторические и политические катастрофы со стихийными
бедствиями: наводнениями, землетрясениями, неурожаями, но приходит
сотрясающими китайскую землю. Возникает впечатление (хотя, может быть, это
лишь впечатление постороннего наблюдателя), что как только положение
улучшается, животы наполняются, удовольствия возвращаются, а
предприниматели вновь принимаются за дела и обогащаются – ткань общества
немедленно вступает почти в биологический процесс затягивания ран, а вновь
обретенная динамика жизни делает излишней работу памяти. Более того, режим,
откровенно оставшийся коммунистическим, по-прежнему контролирует информацию
о прошлом. Со стороны можно сказать, что постоянство космоса по обе стороны
этих пертурбаций заглушает чувство истории и придает летописи поступь
сводок погоды с их регулярной цикличностью, нарушающей бурями.

Христианское забвение коммуны

Теоретически христианский мир, глядя на то, чем завершилась
коммунистическая авантюра, должен бы испытывать озабоченность, даже
ответственность. Именно в христианском мире расправляла крылья идея
истории, устремленной ко всеобщему спасению, оттачивалось чаяние
окончательного освобождения, всеобщего очищения, торжества добра. Никогда,
однако, извращение этих идей не влекло за собой столько неправедности,
никогда грех не переполнял так землю. Было о чем подумать. Тем не менее
христианский мир не только забыл, но по велению своих паstryрей еще и счел
это забвение благочестивым.

Честно говоря, христианские и тем более «постхристианские» массы
реагировали так же, как «языческие»; они мало-помалу отдаляются от
христианства, а крещение их, как это было всегда, остается по своему
характеру более или менее внешним. Коммунизм тянулся так долго, что его
стали воспринимать как ледниковый период, как вечную суровую зиму. Теперь
климат потеплел, снова вышло солнышко, и о коммунизме больше не думают,
отдавшись повседневным заботам. Следует, однако, отметить забвение,
свойственное именно христианам. Точнее, два противоположных его вида.

Первый коренится в первооснове христианской веры, особенно в ее отношении к
злу и греху. С одной стороны, христиане научены тому, что они грешники; что
грех, первородный и личный, присутствует в жизни человека наряду с добром
изначально, а сегодня – более чем когда-либо; что само христианство
началось с распятия Иисуса Христа, то есть с того события, когда
человеческое сообщество сотворило наибольшее вообразимое зло, предав на
смерть Единственного, кто был без греха, когда между пятницей и
воскресеньем Само Слово Божие было побеждено; что, с другой стороны, силой
этого события они прощены, примирены, хотя вновь и вовеки подвержены греху.
Этот христианский тип фамильярности как со злом, так и с добром приводит к
тому, что христиане не слишком удивляются ни тому ни другому, всегда готовы
к греху и прощению и уверены, что нет такой вины, которая не была бы
прощена с помощью покаяния. В этом случае забвение естественно следует за
прощением.

Наряду с этим добродетельным забвением (или вместо него) может существовать
и другое, далеко не праведное. Обычно прощение дается лишь тогда, когда его
испрашивают у Бога и у жертвы, лишь тогда, когда виновный предварительно
признал свою вину и попросил прощения. Если эти условия не выполнены, а
прощение все-таки дается в одностороннем порядке, то оно наверняка окажется
не имеющим силы и станет еще одним грехом. Это чересчур легкое прощение
может исходить из некоего нравственного высокомерия, которое запросто
сбрасывает со счетов правосудие и справедливость, позволяя своему носителю
кичиться великодушием. Может оно исходить и из простой лени, пасущей перед
изучением фактов, из недостатка мужества перед требованиями справедливости
либо из нежелания осознать свое активное или пассивное соучастие с теми,
кого прощаешь особенно легко, потому что одновременно и себе даешь
отпущение грехов без исповеди. Кажется, никто не готовит публичную
церемонию покаяния в этих грехах.

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org порождена этим вторым типом забвения. Хотя при коммунизме было больше мучеников за веру, чем в любую другую эпоху истории Церкви, мы не видим ни спешки, ни усердия в составлении мартиролога.

Коммунизм рос за счет массового отступничества христиан. Нельзя быть уверенным, что это отступничество, а тем более всяческие компромиссы и уступки рассматриваются как действительная вина. Их обычно считают простительными заблуждениями и зачастую усматривают за ними благие намерения. Причина проста: христиане еще не до конца очистились от коммунистических идей, которые в их умах смешаны с гуманистическими и посредством этих последних угнездились среди мирян и духовенства. В скрытых и бессознательных формах, действуя окольными путями вышеописанных «еретических» уклонов, эти идеи по-прежнему активны. Еще и сегодня мы слышим разговоры о «третьем пути» между капитализмом и социализмом. Мы до сих пор не осознали, что, подводя наш мир под концепцию «капитализма» мы уже принимаем дихотомическую картину мира, навязанную идеологией, которая нам, как мы считаем, столь чужда. Сохранение таких навыков мышления – еще одна причина забвения. Воистину некоторая часть христианского мира все еще ясно не сознает, о чем именно полагалось бы помнить.

Еврейское забвение коммунизма

Сказанное о христианах можно отнести и к евреям – кроме, разумеется, того, что относится к сути веры. Коммунизм – не еврейское изобретение. Его истоки легче обнаружить в христианстве, чем в иудействе, которое в этом отношении лишь последовало за христианством. Но многие евреи стали приверженцами коммунизма, как только он возник в середине XIX века, и затем были с ним связаны так же ревностно, с той же нерушимой убежденностью, порывая со своей общиной, историей и верой так же, как порывали со всем своим христиане.

В этой авантюре евреи сыграли важную, но не главную роль. В 1917 г. большинство российских евреев не пошло за большевиками. Они были такими же жертвами большевиков, как и все прочие. Те же, кто был в партии, долго занимали в ней первостепенные места, по мере того, как расцветал антисемитизм, все больше отодвигались на второй план. Тем не менее такие фигуры, как Ягода и Каганович (и многие другие в России и Восточной Европе), могут соперничать с самыми чудовищными преступниками нашего века. Так что и здесь уместны память и покаяние, по крайней мере если считать, что эти евреи-отступники все-таки оставались евреями. Пока что среди евреев так же распространены амнезия и забвение и так же спокойна совесть, как и среди христиан.

Еврейская память о нацизме

Затрагивая эту тему, на мой взгляд, следует подчеркнуть нечто, на что редко обращают внимание. Известно, что с тех пор, как еврейский народ, обретя равноправие в конце XVIII века, вернулся в общую историю Запада, он (или по крайней мере некоторые его члены) принимал участие во всех добрых или злых делах, затеянных народами, с которыми он смешался. Евреев встречаешь в успешной или бедственной истории философской и общественной мысли, политической, социальной и экономической жизни. За исключением, разумеется, нацизма. В этом деле, столь исключительно устремленном к злу (в нашем веке сравняться с ним в этом может только коммунизм), евреи – жертвы, а не виновники. Библейские пророки сочли бы это великой милостью, ибо они учили, что такому страшному греху следует предпочесть смерть. Евреи были избавлены от соблазна, в который люди из числа «народов» впали во множестве. С этой точки зрения, они справедливо чувствуют себя невинными и непричастными.

Еврейскую память о нацизме обостряют два сопутствующих фактора. Нацизм, изначально провозглашавший себя врагом демократии в то время как коммунизм изображал себя ее вершиной, – в силу этого стал тем отрицательным полюсом, по отношению к которому самоопределяется всемирное движение за демократию, ускоренно развивающееся, начиная с 1945 года. Более того, поскольку нацизм был зачислен в крайне правые движения – левые по контрасту являли себя его противоположностью. Во Франции, где во время оккупации были и компромиссы, и соучастие, где после капитуляции был установлен фашистующий режим, левые заинтересованы в захвате монополии на «антифашизм», отождествленный, согласно коммунистическому «писанию», с антинацизмом. И, значит, они заинтересованы в том, чтобы заполучить на свою сторону еврейское общественное мнение, набивая цену памяти о нацизме, в результате чего евреи

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org попадают скорее в сферу интересов левых, чем в ту, где лежат интересы еврейской общины.

Еврейскую память по нраву беспокоят идеиные течения непосредственно оскорбляющие ее. «Негативизм» [отрицание Катастрофы] – крайний тип таких течений. Он настолько выходит за всякие рамки истины и исторического здравого смысла, что ею поддерживают лишь несколько отдельных личностей, не имеют ни малейшего интеллектуального авторитета. Неприятно, что во Франции это течение запрещено законом, принятым к тому же под покровительством коммунистов. Дискуссию не следует в законодательном порядке избавлять от вопроса об истине. Иначе те, кто отрицают надежно удостоверенные факты, могут жаловаться и даже похваляться, что их лишают свободы мысли, а значит, избегать позора, на который свобода мысли их обрекает.

Банализация Катастрофы – другая причина горечи. В повседневной речи слово «геноцид» приобрело расширительное значение, доходящее до злоупотреблений. Его применяют к любым притеснениям, серьезным и несерьезным, и скоро мы дождемся, что геноцидом назовут резню морского котика или охоту на китов.

Люди уничтожают друг друга с тех пор, как стали достаточно многочисленными, чтобы воевать. По античным законам войны, всех взятых в плен мужчин, способных носить оружие, предавали смерти, а женщин и детей отдавали в рабство. Согласно сегодняшнему словоупотреблению, Троянская война или Пунические войны – это геноцид. Еврипид в «Троянках», Фукидид, рассказывавший о наказании мелийцев, описывали факты геноцида. Средневековый немецкий «Дранг нах Остен» привел к исчезновению нескольких славянских и балтийских народов, живших между Эльбой и Одером. В межплеменных африканских войнах сегодня, когда современное оружие заменило дротики, за несколько месяцев погибает миллион человек. Кто помнит о скифах, сарматах, аварах, печенегах, хазарах – народах:, некогда славных, а ныне пропавших без следа?

Массовое убийство – еще не геноцид. В правовом словоупотреблении, котороеratифицировано международной конвенцией, геноцид – «методическое уничтожение этнической группы» Это определение хромает: многие вышеупомянутые массовые убийства подходят под это определение; с другой стороны, если усомниться в том, что евреи – «этническая группа» (т. е. исходить из нацистской концепции), то Катастрофа не войдет в эту категорию!

Чтобы остаться в рамках исторического здравого смысла и в границах XX века, я предлагаю договориться о том, что геноцид в прямом смысле слова, в отличие от обычного массового убийства, требует следующего критерия: нужно, чтобы резня совершилась умышленно, а умысел возник в рамках идеологии, имеющей целью уничтожить часть человечества во имя торжества идеологической концепции добра. Замысел уничтожения должен охватывать всю намеченную к уничтожению группу, даже если он не доведен до конца из-за материальной невозможности или изменения политики. Единственным известным прецедентом могла бы считаться Вандея, которая, согласно приказам Конвента, должна была быть «уничтожена» целиком. Карье писал: «Во имя человечества я очищаю землю свободы от этих чудовищ» И действительно, зону уничтожения очистили от населения на четверть, что близко к достижениям XX века.

Применяя этот критерий, мы прежде всего выделим нацистское истребление евреев и цыган, «чистый» геноцид; к нему следует присоединить уничтожение инвалидов, от которых Гитлер избавился накануне войны. Я присоединяю сюда также украинский геноцид 1932–1933 гг., который напоминает вандейский тем, что совершался, когда крестьяне уже прекратили всякое сопротивление, и был прерван, когда политическую цель сочли достигнутой. Прибавим также армянский геноцид 1915 г. и камбоджийский. Все эти случаи геноцида были заранее запланированы и держались в глубокой тайне. Тайна не устояла: где – перед военным поражением, «де – перед падением виновного в геноциде режима. Однако, к примеру, тайна украинского геноцида едва-едва раскрыта и даже сейчас далеко не полностью документирована. Обычно считают, что тогда погибли 5–6 миллионов человек. Можно полагать, что были и другие случаи геноцида, о которых мы не слышали ничего.

Армянский геноцид, хотя и совершенno несомненный, все-таки еще напоминает «классическое» массовое убийство. Младотурки намеревались превратить свою страну в государство-национо якобинскому образцу и, чтобы осуществить ее единство, мобилизовали башибузуков – по старому имперскому рецепту, уже испробованному несколько раз, в частности в 1895 г. на тех же армянах. Этот

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org рецепт был унаследован от безжалостных правил древней войны. Японцы в Китае делали то же самое. Но украинский и еврейский геноциды основаны исключительно на идеологическом замысле, и это их объединяет. Целью первого было распространить и усовершенствовать коммунистический контроль, ликвидируя тот потенциал сопротивления, который представляло собой национальное чувство украинского народа или просто само его существование. Как только цель была достигнута, исчезла и необходимость (ради замысла в целом) и даже желание «ликвидировать» остаток населения. Накануне смерти Сталин размышлял о возможном повторении этой операции. Еврейский геноцид, основанный на замысле воссоздания расовой чистоты, предполагал истребление всех евреев без исключения. В этом он напоминал традиционные массовые убийства, в особенности армянский геноцид, где трупы женщин и детей нагромождались курганами, или, если брать недавнее время, уничтожение тутси в Руанде, которое организовали хуту. Есть в нем, однако, и отличие.

В самом деле, огромное большинство евреев – и не только евреев – сознает непреодолимое различие между тем, что случилось с ними, и тем, что пережили другие народы. Это неискоренимое, но неясное сознание – источник непрестанно встающих вопросов, на которые нет однозначных ответов.

Многие мыслители-евреи, и не из последних, начиная с Раймона Аrona, Бориса Суварина и Ханны Арендт, выносили беспристрастное суждение о двух ужасах нашего века, окинув их невозмутимым взглядом. В недавней, исполненной благородства статье Энн Эпплбаум A dearth of Freeling (New Criterion, New York, vol. 115, № 2, Oct. 1996) заведомо отвергается мнение тех, кто считает, будто евреи, эгоистически замкнувшись на своем горе, бесчувственны к чужим несчастьям. Анни Крижель в одном из своих последних перед смертью текстов стремилась напомнить, что в отношении сталинизма некоторым евреям не стоит чересчур культивировать легенду о «фундаментальной невинности жертв» (Antisemitism de Staline. // «Les nouveaux Cahiers», № 120, 1995, p.55).

Однако я не думаю, что у кого-то из вышеназванных дух справедливости подавлял чувство отличия. Чтобы оно совсем изгладилось, надо пройти до конца дорожку ассимиляции. Подобная точка зрения идет рука об руку с усталостью от иудейства и с желанием, пусть понятным, избавиться от неприятностей, связанных с принадлежностью к нему. В контексте полного обмирщения действительно трудно основывать эту принадлежность на чем бы то ни было. Если не чувствуешь себя ни в коей мере связанным многочисленными обязательствами, накладываемыми Торой, то зачем навсегда оставаться запертym в ее «загоне»? Стоит ли претендовать на принадлежность к нации, оставаясь бесчувственным к призыву сионизма и зная, какие разрушения принес национализм за последние два века? Однако если существует урок истории, услышанный в положительном смысле, то он состоит в том, что еврейская самобытность, даже когда ее легитимность больше не существует де-юре, самыми удивительными путями продолжает существовать де-факто. Ничто не могло изгладить эту печать, даже усилия тех, кто хотел от нее избавиться. Хочешь не хочешь, а род человеческий по-прежнему делится на евреев и гоев.

Второй взгляд на Катастрофу, к несчастью, довольно распространен, особенно во Франции. Ей придают абсолютную уникальность, возмущенно осуждая и считая надругательством любую попытку провести параллель с другими историческими событиями. Но из этого определения уникальности исключены метафизические или, точнее, религиозные аспекты – в него входят лишь материальные обстоятельства: газовые камеры, индустрия смерти, истребление детей, замысел уничтожения целого народа. Эти обстоятельства действительно ни с чем не сравнимы, и нацистское истребление создает уникальную картину. Но и всякое другое историческое событие, рассматриваемое само по себе, уникально и неповторимо. Если взять другие современные примеры истребления, то мы увидим, что отдельные жуткие элементы европейской Катастрофы в них встречаются, а другие – нет, зато в них входят некоторые элементы, которых в той не было. Уникальны все они, как уникальна для каждой матери смерть ее ребенка. И у каждого умирающего ребенка есть мать.

Главное нежелательное последствие такого подхода состоит в том, что он создает ложное представление об иудействе: будто, вопреки Библии и Талмуду, жизнь одного человека не равносenna жизни другого, а одно преступление – не равносильно другому, аналогичному. Он заставляет думать, что евреи пристрастны в своих суждениях и вносят в историческое сознание своего рода «состязание жертв», в котором все категории равны, но одна – «ровнее» других. Разумеется, такой подход способен вызвать раздражение среди

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
народов, которые страдали не меньше, хотя по-иному. Они могут от своего
имени высказать протест Шейлока: разве у нас не такие же, как у вас,
чувства и страсти, разве мы не истекаем кровью, когда нас ранят, разве мы
не умираем, когда нас убивают, разве мы не люди, как и вы?

Ваг к чему приходят, когда религиозный аспект отодвигают в сторону:
начинают думать, что существенное отличие евреев от всех остальных основано
на материальных элементах или нравственных качествах. Избранность и
привилегии оказываются там, где их нет, там, где их нельзя признать
законными, зато правда об избранности и привилегиях остается в
пренебрежении там, где она на месте – как дарованный и действительно
уникальный плод завета, который был заключен с Богом и от которого, как
всегда учил иудаизм, евреи полностью зависят.

Эта правомерность в принципе признана за пределами еврейского мира – в мире
христианском, который, несмотря на нередкие уклонения от истины, всегда
признавал предшествующий ему Ветхий завет действующим и нормативным. Но
если какое-то идейное течение желает строить еврейское бытие за рамками тех
особых отношений, которые связывают их народ с Богом Авраама и Моисея, то
какой смысл может найти в Катастрофе нееврейский мир, когда то же самое
течение утверждает, что она не имеет никакого смысла и представляет собой
чистое отрицание? Извне она начинает напоминать странное повторение
христианства, но без смерти Невинного и невинных, за которую в каком-то
смысле ответственно все человечество и которая несет в себе искупление и
примирение. Ставить в центр сознания отрицательный факт, самый
отрицательный, какой только можно вообразить, абсолютное зло, и не полагать
конечной победы добра – это значит угнездить в сознании разъедающую боль,
неутешную и мстительную по отношению ко всему миру, ибо – опять-таки по
аналогии со Христом – виновен весь мир.

Опасно также отходить от особого призыва Израиля – призыва священства
на службе остального человечества. В иудействе есть традиция, согласно
которой присутствие евреев среди народов благословлено для народов. Что
будет, если это присутствие станет носителем вселенского обвинения?

Почему это течение стало особенно шумным именно во Франции, где оно
наверняка не так представительно, как само оно утверждает? Наполеон дал
евреям конфессиональный статус в рамках общего права и отказал им в особом
гражданском статусе. В той части французского иудейства, которая оторвалась
от религии, но в своей почти полной ассимиляции и несомненном патриотизме
сохранила инстинкт «отличия», была очень сильна тенденция связывать это
«отличие» со смертоносной несправедливостью, носителем которой был нацизм,
а жертвой – евреи, и с нарушением своих прав режимом Виши, отдавшим их на
растерзание; а затем концентрическими кругами, расширять обвинение в
соучастии до бесконечности.

Эту тенденцию укрепляет обмирщенная атмосфера французского интеллектуального
мира, который, утратив из виду богословие, считает Библию и породивший ее
народ элементом культуры – на тех же основаниях, что греческую философию и
римское право. «Еврейский народ, – пишет Франсуа Фюре в письме к Эрнсту
Нольге, – неотделим от классической древности и от христианства (...). Мучая
его, стремясь его уничтожить, нацисты убивают европейскую цивилизацию»
(Commentaire, № 80, 1997–1998, p.805). Это совершенно верно, но
недостаточно, даже с точки зрения обмирщенной истории. В конце концов,
европейская культура развивалась самостоятельно, опираясь на исчезнувшую
Грецию и павший Рим и отодвинув в сторону еврейский народ, Священное
Писание которого, как утверждалось, стало исключительным наследием
христианства. Однако весь вопрос в том, какое значение имеет народ, долго
отверженный, но тем не менее находившийся рядом, затем «принятый», но «не
способный ассимилироваться», и какое значение имеет предпринятое на него
наступление. Культурологическими средствами тайну Израиля не решить. Не
более, кстати, чем тайну христианства. Блестящая историография от Сент-Бева
до Морраса через Ренана (который рассматривал и иудейство, и христианство)
апологетически излагает цивилизаторский вклад христианства, считая при этом
общепринятым, что вопрос о его истинности окончательно решен отрицательно.
Можно задаваться вопросом, нет ли в замысле Морраса распространять
католичество без христианской веры своего рода бессознательной параллели с
этим бескровным иудейством, вдобавок разъедаемым утратой своего стержня.

Прошлое на множестве примеров показывает, что христианское антииудейство
было тем более острым, чем более невежественными в самых основаниях своей

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org веры были те круги, из которых оно исходило. Добрый Санчо Панса излагал свое исповедание веры в двух пунктах: поклонение Пречистой Деве и ненависть к евреям. Но, когда вера исчезла, антисемитизм расцвел пышным цветом. И вера, пусть даже искаженная, перестала служить хоть каким-то тормозом. В довоенной антисемитской литературе не встретишь хорошего еврея: самый симпатичный, самый праведный поневоле несет в себе разрушительный вирус, враждебный христианскому народу. Более того, вся европейская история была перестроена вокруг всемирного еврейского заговора. И вот совсем недавно, в год процесса Мориса Папона, мы слышали высказывания, которые позволяли думать, что вокруг де Голля антисемитизм был таким же злобным, как вокруг Петена; что главная ось истории Франции от св. Людовика до Зимнего велодрома [на Зимний велодром согнали жертвы крупнейшей парижской облавы времен оккупации] – ненависть к евреям. Я только что прочел роман, смысл которого, как мне кажется, состоит в том, что не может быть «хорошего гоя» тем более хорошего христианина, так как, если его немножко поскрести, обнаружишь антисемитскую ненависть и ростки готовности поставлять живой товар в газовые камеры. Эти эмоции, отлитые в вывернутую наизнанку форму вчерашнего антисемитизма, исходят, по-моему, из кругов, подобных тем, которые его порождали, причем с тем же незнанием не только чужой, но и своей собственной религии, и с тем же националистическим ожесточением, подменяющим религию. С риском, как оструумно написал Ален Финкслькро, разделить общественное мнение на «натравленных и затравленных».

Я не хочу заходить слишком далеко, проводя параллель, которая быстро могла стать несправедливой. Объективно говоря, евреи бесконечно больше претерпели от гоев, чем наоборот. Антихристианство евреев не столь несовместимо с иудейской верой, как несовместимо с христианской верой антииудейство христиан, немедленно порождающее внутреннее противоречие. К тому же подобную позицию можно некоторым образом рассматривать как первый шаг к возвращению в Сион после века обмирщения. Если, с одной стороны, это порожденное страстью убеждение можно рассматривать как способ уйти от истинного иудейства, оставаясь при этом евреем, то с другой – он возвращает к одному из самых фундаментальных предписаний иудейства: не покидать свою общину.

Государство Израиль было создано, чтобы быть общей родиной евреев – сохранивших свою веру и избавившихся от нее, но равно желающих жить в условиях свободы и безопасности. Прибывающих из Европы евреев, безусловно, прежде всего объединяло то, что их всех хотели истребить. Поэтому Катастрофа возводилась в принцип легитимности как перед всеми народами, которые несли свою часть ответственности за нее, так и перед евреями, отошедшими от Торы, для которых библейская легитимность стала чисто внешним принципом. Но «религию Катастрофы» невозможно примешать к библейской религии, она не может ее подменить, не приводя к идолопоклонству и не обостряя неприязнь между евреями и народами, не подчиняющимися ветхозаветному закону.

Третий подход состоит в том, чтобы ставить перед собой вопросы о Катастрофе, углубляясь в отношения еврейского народа с Богом его праотцов. Нельзя оставить в стороне основанную на вере убежденность, что еврейский народ претерпел за дело Божие. Таковы бремя и цена избранности со времен заключения завета. Перед лицом нацизма, этого концентрированного идолопоклонства и кощунства, еврейский народ боролся и свидетельствовал Его Именем. Однако невозможно измерить, какой соблазн заключен в этом событии и насколько трудно мыслить об этом богословски.

Еврейский народ существует только как партнер завета с Богом, Который дал ему обетования: «Ибо часть Господа народ Его; Иаков наследственный удел Его. Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой; ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего. Как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распространяет крылья свои, берет их и носит их на перьях своих...» (Втор 32,9-11). В Библии два десятка аналогичных текстов. И именно та часть народа, которая особенно пылко верила в эти обетования: набожные общины Центральной и Восточной Европы, – приняла на себя главную тяжесть Катастрофы. Меньше всего пострадала сравнительно неверующая часть – та, которая перед войной, вопреки мнению большинства раввинов, осмелилась задумать и осуществить сионистскую утопию; и та, совсем неверующая часть, которая во время войны успешно боролась против нацистской военной машины в рамках самого фанатического коммунизма.

Иудаизм не знает той фамильярности со злом, того признания постоянства и
Страница 38

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org повторяемости зла, которые были внесены в христианский мир догматом о первородном грехе. Этот догмат в его форме, данной апостолом Павлом, не был принят израильскими мудрецами, и так же не была принята диалектика греха и милости, возможной победы зла и твердого чаяния победы добра. Еврейский автор сирийского Откровения, известно как «Откровение Варуха», все это прямо отвергает: «Адам провинился лишь сам по себе, и каждый из нас стал Адамом своей собственной жизни» (цит. по: Ephraim Uhrbach. Les Sages d'Israël. Paris, Cerf-Verdier, 1996, p.440). Почему же тогда погибали праведники, причем погибали в первую очередь?

В Катастрофе каждый погибал в одиночку, как отдельная личность. Мы знаем, что перед лицом «молчания Бога» немало было тех, кто молился, кто сохранил или даже обрел веру. Немало было и тех, кто ее утратил. Богословские размышления о Катастрофе насыщены и многообразны. Одни раввины признают за ней коренное сходство с другими бедствиями, которые обрушивались на Израиль с древних времен. Другие предаются размышлению о таинственных апориях Книги Иова. Третьи предполагают таинственную связь Катастрофы с восстановлением Израиля в Земле Обетованной. Эмиль Факенхейм, похоже, склоняется к богословию «смерти Бога» Ганс Ионас, крупный специалист по гностисму, предлагает неубедительный, кажется, и для него самого гностический миф о бесслии Бога и Его уходе от дел мира сего. Этим размышлениям не видно конца, они не обретают взаимного согласия – посмотрим, как они будут развиваться дальше. Вероятно, именно этот труд богословской разработки, каковы бы ни были конечные выводы, сможет снять противоречия и трудности, создаваемые первыми двумя подходами, и принести удовлетворение не только философу или богослову, но и историку, забота которого – не пренебречь ни одним фактом.

Христианская память о нацизме

В то время как коммунизм чрезвычайно мало волнует христиан, воспоминание о нацизме никогда не оставляет их в покое, терзает их совесть и приводит к далеко идущим последствиям.

Если социалистический гуманизм предрасположил христианское сознание к коммунизму, то к фашизму, в Германии – к нацизму, ею подталкивала соседняя ветвь того же романтического ствола: общинный, органический идеал, незаметно преобразованный в «этнический» Берлинский архиепископ кардинал Фаульхабер, упорно сопротивлявшийся Гитлеру, гем не менее в одной проповеди 1933 г. неосторожно заметил, что «Церковь не возражает ни против стремления сохранить национальные черты народа как можно более чистыми, ни против того, чтобы его национальный дух поощряли, подчеркивая кровные связи, освящающие его единство» Он не подозревал, как мрачно ему вскоре отзовутся эти слова.

Немецкие христианские Церкви сопротивлялись по-разному. Меньшинство, скорее протестантское, нежели католическое, полностью отдалось тенденции «германского христианства». Большинство немецких христиан с переменным успехом старалось спасти что можно, смягчить режим, защитить людей. И, наконец, малая доля (такая малая, как при любом тоталитарном режиме) противостояла, иногда ценой жизни.

После крушения нацистского режима не было амнистии. Преступники предстали перед судом и были осуждены. Вся Германия была привлечена к гигантскому суду совести, призвана отвергнуть то, что в ее истории, философской и общественной мысли подготовило национальную катастрофу. Она расплачивалась своего рода исторжением немецкой души и закатом ее творческих способностей. Достойно восхищения то, как этот обесчещенный, потерявший своих восточных соотечественников народ воспротивился отчаянию и вновь взялся за работу, принимая наказание. Быстрый подъем Германии после 1945 г. и долгий застой России после 1991-го, безусловно, связаны с наконец-то обретенным смирением первой и гордыней второй.

Нацизм уничтожил немало христиан: в одной только Польше – три миллиона, столько же, сколько евреев. Он был полон решимости в удобное время уничтожить и Церковь как таковую. Тем не менее христианская память о нацизме сосредоточилась не на общем уничтожении и не на преследованиях Церкви, но исключительно на судьбе евреев и ответственности Церквей в общем комплексе событий, связанных с «окончательным решением еврейского вопроса».

Католическая Церковь, подвергшаяся резким нападкам на этой почве,

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org представила доказательства в свою пользу. Иезуит о. Пьер Бле, историк, эрудиция которого известна и общепризнанна среди его коллег; недавно собрал эти доказательства в труде, опирающемся на документы из ватиканских архивов (Pierre Biet, S.J. Pie XII et la Seconde Guerre Mondiale d'après les archives du Vatican. Paris, Рсггіл, 1997): из всех институтов, существовавших под нацистским господством, больше всего евреев спасла Церковь. О. Бле оценивает их число в 800 тысяч. Энциклика Папы Иоанна XI Mit brennender Sorge (март 1937) открыто осуждает расизм и всяческое идолопоклонство, будь то поклонение расе, крови или нации. Молчание, в котором упрекают Пия XIII, может объясняться осторожностью и заботой о наибольшей эффективности: например, не вызвать еще более смертоносной реакции нацистов, как это случилось в Голландии после протеста епископов; спасти церковную ткань и дипломатическую сеть, позволявшую кое-как действовать в Германии на основе конкордата и несколько лучше – в еще не оккупированных странах-сателлитах: Венгрии и Словакии; не заниматься систематическим ослаблением Германии перед лицом советской угрозы, которую Папа справедливо считал в долгосрочной перспективе еще более опасной для всего человечества, чем нацизм. Молчание Ватикана объясняется также тем, что трудно было поверить в редкие просачивавшиеся сведения о главном нацистском секрете, потому что, как и в глазах лидеров западных союзников, они выглядели невероятно. Эта защитная речь о. Бле, к которой следует прислушаться, тем не менее оставляет нерешенными два вопроса.

Во-первых, стиль деятельности Церкви в пользу евреев обнаруживал, что их рассматривали как жертву, которым следует нести помощь в силу общего долга человечности и любви. Церковь чувствовала себя такой же чуждой им, как они себя – чуждыми ей, и признавала эту симметрию. Она не считала, что нацизм, нападая на еврейский народ, тем самым нападает на христианство и его по-прежнему живой корень; что, когда он нападал на Церковь, происходили не два разных преступления, два кощунства, но одно и то же. Пресловутое молчание Пия XII, которое не было таким абсолютным, как об этом говорят, каковы бы ни были его осторожные, возможно, оправданные мотивы – кто может судить об этом полвека спустя? – в силу своей весомости окрашено более драматически, чем такое же молчание политических лидеров западных держав, которые считали евреев – даже тоща, когда стремились их защитить, – гражданами иностранного происхождения. Пий XII, в отличие от своею позднейшего преемника Иоанна Павла II, не мог считать евреев «старшими братьями» в единой вере.

Пий XI твердо осудил теоретический маркионизм в своей энциклике 1937 г., однако не нашел уместным прямо упомянуть эту древнюю ересь. Но в то же время он не называет и евреев, не произносит этого слова, и его молчание кажется мне поразительнее молчания Пия XII, потому что тогда в Риме, в еще суверенном государстве, он был свободен. Теоретическое осуждение не помешало позднейшим отклонениям на практике. Точнее, нацистское преступление внезапно обнаруживало фактуру скрытого маркионизма, упакованного в обычное церковное богословие об отношениях евреев и христиан. Евреи – выживший реликт, свидетель *vetus Israel* («ветхого Израиля»), утративший силу и лишенный своего наследия, которое полностью досталось *verus Israel* («истинному Израилю»). Таким образом, евреи не имеют к христианам никакого отношения, кроме как в силу древней памятливости: они достойны похвалы за приготовление пришествия Христа и виноваты, что Он был не узнан и распят. Значит, евреям причиталось лишь милосердие общего порядка, при этом двусмысленное, ибо никто другой из чуждых Церкви не заслуживал ни этой хвалы, ни этой хулы. Эту двусмысленность испытывали христиане во время войны, склоняясь то в одну сторону, то в другую.

Во-вторых, под влиянием этого богословского отчуждения от еврейского народа Церковь или, по крайней мере, ее служители были заражены идеологической ложью.

Первым ложным шагом было заключение конкордата с гитлеровским режимом – результат изъяна в политическом анализе. Нацистский режим был понят как особо тяжелая форма диктаторской, деспотического, тиранического режима. За свою более чем тысячелетнюю историю Церковь набрала богатый опыт жизни при таких режимах. Она не заметила вовремя абсолютную новизну нацизма – даже по сравнению с итальянским фашизмом, с которым Ватикан вполне законно подписал конкордат, гарантировавший Церкви временный *modus vivendi*. Но конкордат с Германией связывал Церковь, ничем не связывая нацистский режим. Церковь была вынуждена придерживаться чрезвычайной умеренности из страха утратить последние клочки повседневно попираемого договора.

Первый ложный шаг повлек за собой второй, еще более серьезный. Церковь оказалась вынужденной всерьез принимать навязанную нацизмом картину мира. В документах нунциатур приходилось признавать как нечто естественное реальность «расового вопроса» и различие арийцев и неарийцев.

В таких случаях есть общее правило. Первая линия обороны, которую нужно занять и держать до конца в поединке с идеологическим режимом, – это безоговорочный отказ от предлагаемой им картины реальности. Бели пойти навстречу и согласиться, что в этой картине есть «доля истины», например, допустить, что существуют арийцы и неарийцы и, следовательно, существует «еврейский вопрос», все пропало: волей начинает управлять извращенный интеллект. Остается лишь возможность просить «арийцев» решать этот «вопрос» «человечески» «доля истины» в идеологии сосредоточивает в себе всю силу соблазна – именно тут берут начало вся ложь и фальсификация. Это правило действительно для любой идеологии, в особенности для коммунистической. Как только принимаешь картину реальности, разделенную на социализм и капитализм, остается только симметрично умолять оба «лагеря» следовать общим принципам нравственности или прямо признать за «лагерем социализма» принципиальное превосходство, поскольку он покончил с «эксплуатацией».

Твердое «нет», отказ от дискуссии – вот что должно быть противопоставлено с первым шагом. Иначе утрачивается верность логике, которая нарушается на каждом следующем шагу, преподносящемся через вводное слово «следовательно». Версальский договор унишили Германию, следовательно, она должна принять такие-то меры, чтобы решить еврейский вопрос, следовательно... – и так далее вплоть до того, что незаметным зигзагом логики приходит окончательному решению еврейского вопроса. Рабочие подвергаются эксплуатации, следовательно, нужно произвести реви ющно, следовательно... и т. д. Надо избегать «доли истины», пойму что ее с виду совершенно неоспоримая истинность включена в передовую логическую систему.

Если можно, глядя назад с достаточного исторического отдаления, измерять интеллектуальное сопротивление нацизму и коммунизму, то склоняешься к выводу, что сопротивление христиан, оставшихся таковыми и не поддавшихся никаким соблазнам и компромиссам, было основано скорее на высокой нравственности, нежели на интеллектуальной проницательности. Среди редких аналитиков самого острого периода, примерно, скажем, между 1935 и 1950 гг... (Орвэлл, Кестлер, Суварин, Арон), находить сравнительно мало христианских мыслителей. Конечно, богословская твердость не дала померкнуть интеллекту Маритена, Журне, Гастона Фессара, Карла Барта (но у этого последнего – только в отношении нацизма). Слишком многим инстинктивная религиозность, напротив, помешала правильно мыслить. Вера и любовь не понесли ущерба, но были заведомо парализованы посторонними примесями к вероучению, робостью и недостаточностью интеллектуального труда.

При том, что коммунистическая политика запугивания преуспевала и суд совести над коммунизмом был отложен на многие десятилетия (а по существу и до сих пор не начался), полное поражение нацизма и широкая огласка его преступлений привели к тому, что нравственное и богословское осознание происшедшего началось в Церкви сразу после войны.

Кардинал Ратцингер в 1996 г. говорил об этом: «Важно, что Катастрофа была организована не христианами и не во имя Христа, но антихристианами и как фаза, предшествующая истреблению христиан, – однако тут же добавил: – Но это никак не отменяет того факта, что виновниками были люди крещеные. Даже если СС была организацией преступников-атеистов и даже если среди них не было христиан, тем не менее они были крещены. Христианский антисемитизм в известной мере подготовил почву, и этого нельзя отрицать (...). Это воистину побуждение к постоянному суду совести» (Cardinal Ratzinger Le Se de la terre. Paris, Flammarion-Cerf, 1997, p.242) [3]. Важный момент этого заявления – то, с какой серьезностью рассматривается таинство крещения. Кардинал не считает, что разрыв с верой и христианской религией освобождает преступников от их принадлежности к христианству. Их отступничество не изглаживает их крещения, и, следовательно, Церковь, к которой они в определенной мере объективно принадлежат, не отказывается от своей ответственности. Если мир так чувствителен к еврейству человека, который не считает себя к нему принадлежащим (например при коммунизме), то он вправе так же относиться к христианству крещенного отступника.

Эту ответственность Церковь берет на себя главным образом в своем
Страница 41

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org вероучительстве. В римском документе 1998 г. признано, что древнейшая антииудейская доля ее предания подготовила почву для антисемитизма, который сам по себе чужд Церкви (документ комиссии по религиозным отношениям с иудейством от 16 марта 1998 г. подписанный председателем комиссии кардиналом Эдвардом Идрисом Кассиди). На мой взгляд, это правильная постановка вопроса. Церковь ответственна не столько за грехи своих членов, сколько за вероучение, которое она им преподала и которое недостаточно уберегло их от пагубных подтасовок исторических обстоятельств. Среди всех видов деятельности Церкви вероучительство является ведущим. Живо требуя от Церкви отчета, такие люди, как главный раввин Франции Жакоб Каплан или Жюль Исаак, оказали ей великую услугу. Известно, что начиная с Зеелисбергской конференции вплоть до 2-го Ватиканского собора и после него, с переменным успехом, но их требование удовлетворялось. «Вероучительство презрения» больше не имеет хождения.

Но суд совести на этом не остановился. Мало-помалу отношения с евреями, первоначально рассматривавшиеся как восстановление мира с внешним партнером, углублялись, включив отношение Церкви к себе самой. Ей пришлось подвергнуть испытанию свое собственное предание, свое собственное толкование Писания. Было обнаружено, что в том сумраке, который окружал статус евреев и иудейства после пришествия Мессии, размножились учения либо ложные, либо неполные, нестерпимые последствия которых теперь испытывала Церковь. Ответвления этих учений расползлись во всех направлениях по всему достоянию Церкви, и это вынуждало к усилиям восстановить равновесие. Эта задача выполнена еще не до конца. Возможно, она приведет к такому же значительному богословскому событию, какими были в свое время Никейский и Халкидонский соборы.

Уникальность Катастрофы

Длинные аналитические построения, составляющие настоящий очерк, были необходимы, но явно совершенно недостаточны, чтобы дать хотя бы начало ответа на исходно поставленный вопрос: как надо понимать уникальность Катастрофы?

Работа христианской памяти о нацизме в своем непосредственно богословском аспекте естественно приходит к признанию уникальности Катастрофы.

Во время войны и сразу после нее можно было слышать, что бедствие, обрушившееся на евреев, подтверждает проклятие, павшее на народ-«богоубийцу». Трудно высказать большую низость. Но как только приписываешь Израилю грех «богоубийства» (нелепый и отвергнутый еще в Тридентском катехизисе), на первый план тут же выходит другой образ: Отрок, Муж Скорбей из Книги Исаии, в Котором евреи всегда видели образ Израиля, а христиане – Христа. Эта аналогия отныне толкуется во славу избранного народа. Более того, она обосновывает уникальность Катастрофы одним-единственным критерием – уникальностью жертвы. Богословская точка зрения рассеивает всякую возможность спутать Катастрофу с обычной массовой резней, или, точнее говоря, в гигантской гекатомбе нашего века европейская Катастрофа занимает особое место и имеет особое значение.

В Римской империи не было ничего банальнее, чем смертная казнь через распятие. После восстания Спартака кресты были расставлены вдоль всей Аппиевой дороги, от Рима до Кампании. Иудейские войны Тита и Адриана завершились воздвижением тысяч крестов. Сами иудеи, когда их степень суверенности давала им такое право, прибегали к этому способу смертной казни. Так, по рассказу Иосифа Флавия, царь Александр Япней распял 800 евреев прямо в центре Иерусалима. Христос был распят между двумя разбойниками, о которых в Евангелии говорится, что они страдали дольше его, так что пришлось перебить им ноги, чтобы они умерли до начала субботы. Тем не менее христиане считают, что не может быть сравнения между Страстями Господними и обычными казнями, потому что, как бы ужасны ни были мучения людей, они не позволяют вообразить муки очеловечившегося Бога, а сила этих мук может быть измерена лишь по отношению к Промыслу Божиему о творении. Аналогичным образом эта несоизмеримость ставит в особое положение народ, получивший избранность и остающийся инструментом этого Промысла, народ, частью которого является Мессия Израилев.

Следовательно, христиане располагают логичной богословской схемой Катастрофы, воздающей должное и евреям, чувствующим свое отличие, и христианским и нехристианским народам, пережившим сопоставимые или точно

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org такие же испытания. Между теми и другими не может быть «состязания в жертвах». Не смешиваясь и не разделяясь, жертвы равно ставятся в общий хор невинных страдальцев, единых в солидарности богословскою порядка, еще не получившей своего определения.

Действительно, то, что христианам представляется вершиной долгих трудов искупления, евреям, конечно, может представляться чистым соблазном. Некоторые евреи отвергли слово «Холокост», поскольку, описывая жертвоприношение, оно не годится для того, чтобы назвать этот интенсивный пароксизм зла, и предпочли нейтральное слово «Шоах» – «Катастрофа». Христиане могли бы принять слово «Холокост», потому что их Мессия пережил его и подвел ему итоги именно как жертвоприношению. Следовательно, взаимное непонимание вокруг этого события не опирается ни на недоразумение, ни на злую волю, но связано с самыми корнями иудейской и христианской веры. Христиане считают, что в пределах познаваемого они наделены ключом к нему. Но этот ключ имеет ценность только в пределах их веры. Евреи его отвергают, и христиане не понимают, почему. Таким образом, вопрос об уникальности Катастрофы не может найти решения полного и общепринятого. Остается ясно понять и принять эту неразрешимость.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БОЛЬШЕВИЗМ: ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ

Имеется довольно общепринятое согласие о степени соприродности коммунизма большевистского типа и национал-социализма, по крайней мере среди историков академиков. Я нахожу удачным выражение Пьера Шепю «разножайцевые близнецы». Эти две идеологии взяли власть в XX веке. Их цель – построить совершенное общество, искоренив препятствующее этому злое начало. В одном случае злое начало – это собственность и, значит, собственники. По поскольку зло не исчезает после ликвидации собственников как класса, носителями зла становятся вообще все люди, развернутые «духом капитализма», который проникает даже в саму компартию. В другом случае злое начало обнаруживается в т. н. низших расах, прежде всего в евреях, а поскольку после их уничтожения зло не исчезает, его следует преследовать в других расах вплоть до самой «арийской» расы, «чистота» которой подпорчена. И коммунизм и нацизм обосновывают свою легитимность авторитетом науки. Они претендуют на перевоспитание человечества и создание нового человека.

Эти две идеологии претендуют на человеколюбие. Национал-Национал-Социализм хочет блага немецкому народу и объявляет, что, уничтожая евреев, оказывает человечеству услугу. Коммунизм-ленинизм хочет блага непосредственно всему человечеству. Эта универсальность дает коммунизму огромное преимущество перед нацизмом, программу которого нельзя экспорттировать. Обе доктрины предлагают «возвышенные» идеалы, способные вдохновить на воодушевленную преданность и героические свершения. Однако при этом они диктуют право и обязанность убивать. Приведу оказавшиеся пророческими слова Шатобриана: «Во глубине этих различных систем заложено одно геройское средство, объявленное или подразумеваемое; это средство – убийство». А Гюго сформулировал это так: «Этого человека ты можешь убить спокойно». Или эту категорию людей. Придя к власти, они и осуществили эту программу с невиданным дотоле размахом. В равной степени преступны? Изучив тот и другой, зная рекорды нацистской преступности 94 по интенсивности (газовые камеры) и рекорды коммунизма по экстенсивности (более 60 миллионов жертв), зная то развертывание душ и умов, которое производят один и другой, я думаю, что этой опасной дискуссии нет места и надо отвечать просто и твердо: да, одинаково преступны.

Проблема, которая встает перед нами, заключается в следующем: как же получается, что сегодня, то есть в 1997 г., историческая память подходит к ним до того неодинаково, что, кажется, забывает коммунизм.

Нет нужды распространяться об этом неравенстве. Еще в 1989 г. польская оппозиция с примасом Церкви во главе рекомендовала забвение и прощение. В большинстве стран, выбирающих из коммунизма, и речи не было о наказании руководителей, которые в течение двух или трех поколений убивали, лишали свободы, разоряли и оболванивали своих подданных. За исключением Восточной Германии и Чехии, коммунистам повсюду было позволено и дальше участвовать в политических играх, благодаря чему они то там то сям возвращаются к власти. В России и других республиках дипломатические и полицейские кадры остались на местах. Запад благородно оценил эту фактическую амнистию. Утверждение

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org номенклатуры у власти сравнивают с термидорианством бывших якобинцев. С некоторых пор наши средства информации вновь охотно говорят о «коммунистической эпопее» Коминтерновское прошлое французской компартии – ясно и документировать) изложенное – никоим образом не мешает ей быть принятой в лоно французской демократии.

Напротив, *damnatio memoriae* [вечное проклятие] нацизма не только не подвержено никакому сроку давности, но кажется день изо дня тяжелее. Обширная библиотека богатеет год от года. Музеи и выставки поддерживают – и правильно делают – сознание «ужаса преступления».

Обратимся к службе документации крупной вечерней газеты. Выберем вызываемые ключевыми словами «темы», трактовавшиеся, начиная с 1990 г. по 14 июня 1997-го, когда я предпринял эту консультацию. «Нацизм» – 480 употреблений, «Сталинизм» – 7. «Освенцим» – 105 раз, «Колыма» – 2, «Магадан» – 1, «Куропаты» – 0, «Голод на Украине» (когда в 1933 г. погибло от 5 до 6 миллионов людей) – 0. Эта консультация – лишь некоторый показатель.

Говоря о своей книге «Память и забвение», Альфред Гроссе заявлял: Я прошу, чтобы, взвешивая ответственность за преступления прошлого, ко всем применяли одни и те же критерии. Несомненно, все должно быть так, но это очень трудно, и не как судья, а как простой историк я хотел бы сегодня *sine ira et studio* [без гнева и пристрастия] попытаться истолковать эти факты, у меня и мысли нет о том, чтобы исчерпать эту проблему Но все же я могу перечислить некоторые факторы.

Нацизм известен лучше коммунизма, потому что союзные силы широко открыли двери «тайников с трупами» и потому что многие западноевропейские народы пережили его на собственном опыте. Я не раз задавал студенческой аудитории вопрос, знают ли они об искусственном голоде, организованном в 1933 г. на Украине. Они о нем даже не слышали. Нацистское преступление было прежде всего физическим. Нравственно оно не заражало жертв и свидетелей, от которых не требовалось принимать нацизм. Таким образом, оно заметно, очевидно. Газовые камеры, созданные для того, чтобы в промышленном масштабе уничтожать определенную часть человечества, есть один отдельный факт, ГУЛАГ, Лаогай как бы тонут в тумане, остаются предметом далеким, известным но косвенным свидетельствам. Исключение одно – Камбоджа, где сейчас раскалывают массовые захоронения.

Еврейский народ взял на себя ответственность за намять о Катастрофе, о Шоах. Для него это был нравственный долг, вписывавшийся в память о долгой череде гонений; религиозный долг, связанный с прославлением или страстным, в стиле Иова, вопрошанием Господа, Который обещал охранять Свой народ и Который наказует несправедливость и преступление. Все человечество должно быть благодарно еврейской памяти за то, что она набожно сохранила архивы Шоах. Загадка – народы забывшие, я к этому вернусь ниже. Добавим, что с тех пор христианский мир обратился лицом к своей совести и ощущает неизгладимую, до сокровенного глубокую рану.

Нацизм и коммунизм попадают в магнитное поле, поляризующее понятиями правых и левых. Это сложное явление. С одной стороны, левая идея сопутствует постепенному доступу общественных слоев к участию в демократическом политическом процессе. Но при этом надо отмстить, что развитие американского рабочего класса отодвинуло социалистическую идею на задний план, английский, немецкий, скандинавский и испанский рабочий класс, укрепляясь, в лице большинства своих представителей отвергал коммунистическую идею. Только во Франции и Чехословакии непосредственно перед второй мировой войной; а также позже в Италии коммунизм мог претендовать на тождество с рабочим движением и таким образом на полных правах входить в левые силы. Добавим, что во Франции такие историки, как Матье, восхищающиеся Великой французской революцией, естественно провели параллель между октябрьем 1917-го и 1792-м, между террором большевистским и якобинским.

С другой стороны, многие довоенные историки еще сохраняли живое чувство социалистических или пролетарских корней итальянского фашизма и немецкого нацизма. Свидетельство тому – классический труд Эли Галеви «История европейского социализма» (1937). Третья глава пятой части посвящена социализму фашистской Италии. Четвертая глава – национал-социализму. Этот последний режим, объявляя себя антикапиталистическим, отбирая имущество у бывших злит или ликвидируя их, облекаясь в революционную форму, но многим

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Ален Безансон filosoff.org
параметрам мог претендовать на немыслимое для него сегодня место в истории
социализма.

Война, связав в военный союз демократические страны и Советский Союз, ослабила западный иммунитет к коммунистической идеи, который все же был еще очень силен в момент пакта Гитлера и Сталина, и спровоцировала некоторый интеллектуальный ступор. Чтобы демократическая страна могла воевать от всей души, ее союзник должен обладать минимальной степенью респектабельности, при необходимости она ему приписывается. С подачи Сталина советский военный геройзм принимал чисто патриотическую форму, а вынесенная за скобки коммунистическая идеология скрывалась. В отличие от Восточной Европы, Западная не пережила на своем опыте нашествия Красной армии. Таким образом, ее посчитали армией-освободительницей, подобно другим армиям союзников, что не могло отвечать чувствам поляков или прибалтов. Советская сторона была в Нюрнберге судьей. Демократические страны понесли тяжелые жертвы, чтобы сломить нацистский режим. И после этого они уже были согласны только на малые жертвы, чтобы сдерживать советский режим, а к концу, заботясь о стабильности, даже чтобы помочь ему выжить. Он рухнул сам по себе, провалился в свое собственное небытие, и вклад демократических стран в это малозаметен. Их отношение не могло быть одинаковым, суждение – равным, память – непредвзятой.

5. Одно из главных достижений советского режима состоит в том, что он смог распространить и мало-помалу навязать свою собственную идеологическую классификацию современных политических режимов. Ленин сводил ее к противостоянию социализма и капитализма. До тридцатых годов Stalin сохранял эту дилемму. Капитализм, именовавшийся также империализмом, охватывал режимы либеральные и социал-демократические, фашистские и национал-социалистический. Это позволяло немецким коммунистам балансируя между «социал-фашистами» и нацистами. Но после принятия решения о так называемой политике Народных фронтов классификация стала следующей: социализм (то есть советский режим), буржуазные демократии (либеральные и социал-демократические) и, наконец, фашизм. Под названием «фашизм» оказались собраны национал-социализм, фашизм Муссолини, разные авторитарные режимы, господствовавшие в Испании, Португалии, Австрии, Венгрии, Польше и т. д. и, в конечном счете, крайние правые силы либеральных режимов. Одна цепь соединяла, например, Гитлера с Жаном Шаяром [сочувствовавший крайне правым лигам высокий чин французской администрации до войны и при правительстве Виши], проходя через Франко, Муссолини и т. д. Специфика нацизма стиралась. К тому же ему определялось место справа, и он кидал свою мрачную тень на все правые силы. Он становился абсолютом справа, в то время как СССР становился абсолютом слева.

Удивительно, что в такой стране, как Франция, эта классификация пролезла в историческое сознание и укоренилась в нем. Взглянем на наши учебники истории для средней и высшей школы. Классификация обычно следующая: советский режим; либеральные демократии с их правыми и левыми силами; фашистские режимы, то есть нацизм, итальянский фашизм, испанский франкизм и т. д. Это смягченная версия советского «писания». Напротив, в этих учебниках нечасто обнаружишь правильную классификацию, с которой согласны все современные историки и которая еще в 1951 г. была предложена Ханной Арендт: два тоталитарных режима вместе, коммунизм и нацизм; либеральные режимы; авторитарные режимы (Италия, Испания, Венгрия, Латинская Америка) – это возвращает нас к классическим категориям диктатуры и тирании, известным со времен Аристотеля.

6. Незначительность групп, способных хранить память о коммунизме. Нацизм длился 12 лет, европейский коммунизм – от 50 до 70 лет в разных странах. Длительность производит эффект автоматической амнистии. Действительно, в течение этого огромного отрезка времени гражданское общество было распылено, элиты одна за другой уничтожались, заменялись, перевоспитывались. Все или почти все – снизу доверху – приспособливались, предавали, морально деградировали. Хуже того – большинство тех, кто был способен думать, оказались лишены знания своей истории и потеряли способность к анализу. Читая оппозиционную, т. е. единственную настоящую русскую литературу, слышащую душераздирающую жалобу, трогательное выражение бесконечного бедствия, но почти никогда не встречаешь рационального анализа. Сознание того, что такое коммунизм, мучительно, по смутно. Ныне молодые русские историки не интересуются этим периодом, осужденным на забвение и отвращение. Государство, кстати, прикрывает архивы. Единственная среда, которая мота стать носителем незамутненной памяти о коммунизме, –

Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность катастрофы. Ален Безансон filosoff.org это диссидентство, возникшее около 1970 года. Но оно быстро разложилось в 1991-м и оказалось неспособным принять участие в новой власти. Поэтому созданный им «Мемориал» не смог пустить корни, не смог развернуться. И правда, орган, в функции которого входит хранить память, должен достичь некоторой критической массы – числом, силой, влиянием. Армяне не совсем достигли этой критической массы. Еще меньше достижения украинцев, казахов, чеченцев, тибетцев – этот список можно долго продолжать.

Ничто так не проблематично, как восстановление нормального нравственного сознания и нормальных интеллектуальных способностей народа после распада тоталитарного режима. В этом смысле постнацистской Германии пришлось легче, чем постсоветской России. Гражданское общество не успели разрушить до основания. Осуждаемое, наказуемое, денацифицируемое западными армиями, оно нашло в себе силы принять участие в этом движении нравственного очищения, произвести суд над собою, помнить и каяться.

Не так было в Восточной Европе, и частично ответственность за это лежит на Западе. Когда российские коммунисты превратили обладание всем достоянием страны в законную собственность. Когда они узаконили свою власть всеобщим голосованием, когда они заменили ленинизм национализмом самого шовинистского пошиба, запад посчитал неуместным требовать их к ответу. Нельзя было оказать худшей услуги России. Вездесущность памятников Ленину на площадях России – только видимое знамение отравленности душ, для лечения которых потребуются многие годы. С западной стороны, историческое «писанье», завещанное Коминтерном Народных фронтов, отнюдь не слажено. Процесс облачения ленинской идеи в ризы левых, что вызвало бы отвращение у Каутского, Бернштейна, Леона Блюма, Бертрана Рассела да, наконец, и у Розы Люксембург привел к тому, что сегодня эту идею сводят к прискорбному недоразумению или как бы стихийному несчастному случаю в левом развитии. Теперь, исчезнув, эта идея продолжает жить как достойный проект, попавший на дурной путь.

7. Забвение коммунизма толкает к сверхпамяти о нацизме и наоборот, хотя простой, верной памяти хватил бы, чтобы осудить и тот и другой. Тут многовековая черта западной нечистой совести: очаг абсолютного зла должен обретаться на Западе. Мнения о его географическом полой и менялись. Очагом зла считались Южная Африка и апарtheid, США и война во Вьетнаме. Но его сейсмическим центром всегда была нацистская Германия. Россия, Корея, Китай, Куба или ощущались как внешние, или выталкивались вовне, поскольку на них предпочитали закрывать глаза. Сопровождавшие этот процесс безотчетные угрызения совести компенсировались непримиримой бдительностью, неотступным вниманием ко всему, что хоть как-то было связано с нацизмом, прежде всего к вишистскому правлению во Франции или ныне – к тем порочным идеям, что гноятся в некоторых ячейках крайне правых европейских сил.

XX веку свойственна не только история, полная ужасов уничтожения человека человеком, но и то, что историческое сознание с большим трудом выбирало правильное направление. Одно объясняет другое. Орвелл заметал, что многие стали нацистами из оправданного ужаса перед большевизмом или коммунистами – из столь же оправданного ужаса перед нацизмом. Это предупреждает нас об опасности исторических фальсификаций. На наших глазах формируется одна из таких фальсификаций, было бы прискорбно оставлять в наследство следующему веку фальсифицированную историю.

Закончу надеждой. Потребовались годы, чтобы полностью осознать нацизм, ибо он превосходил все казавшееся возможным и человеческий разум не в силах был постичь его. То же может произойти с коммунизмом, дела которого раскрыли столь же глубокую пропасть и, подобно Освенциму до 1945-го, были скрыты своим неправдоподобием, своей невероятностью, своей немыслимостью. Время, в функции которого входит вскрытие истины, может быть, и тут сделает свое дело.

Примечания

1

Из речи, произнесенной в Институте Франции в октябре 1997 г. Читатель книги найдет ее текст в приложении. Речь была одновременно напечатана в парижском журнале «Коммантер» (№ 80, 1997–1998) и в журнале «Комментерн» (январь 1998), который ходит в Нью-Йорке под эгидой Американского еврейского комитета. В следующих номерах обоих журналов были напечатаны отклики

2

Автор употребляет принятый во Франции ивритский термин «Шоа» который на протяжении десятилетий во всех русскоязычных израильских изданиях переводится как «Катастрофа». Дословно «Шоа», как и принявшееся вначале в Америке и Европе, а теперь и в России слово Holocaust (лат. holocaustum на основе аналогичного греческого) означает «всесожжение» (так оно переводится в русской Библии – Пер).

3

Это молчание не было абсолютным. В своем радиопослании на Рождество 1942 г. Пий XII заявил: «Этим пожеланием (возвратить общество к нерушимому центру тяжести Божественного закона на службе человеческой личности и общины, облагороженной Богом. – А.Б.) человечество обязано сотням тысяч людей, которые без всякой вины, а иногда лишь в силу своей национальности и расы были преданы на смерть и постепенное истребление» 2 июня 1943 г., выступая в Святой коллегии, он сказал: «Любое наше слово, адресованное по этому поводу компетентным властям, любой публичный намек должны быть серьезно взвешены – в интересах тех, кто страдает, для того чтобы не сделать невольно их положение тяжким и невыносимым» Это намек на протест голландского епископата против преследований евреев в июле 1942 г., за которым последовала облава на евреев и расправа с крещеными евреями. Пана прибавляет, что «викарий Христа, хотя он просил всего лишь сострадания и искреннего возврата к элементарным законам права и человечности, зачастую оказывался перед дверями, которые не открывались никаким ключом»

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!